ОЛЬГА ГОЛОТВИНА

Хранитель

Встретимся в Силуране!

Хранитель

Ольга Голотвина

Встретимся в Силуране!

«Автор»

2003

Голотвина О. В.

Встретимся в Силуране! / О. В. Голотвина — «Автор», 2003 — (Хранитель)

Хитрость матерого мошенника плюс наивность мальчишки-подростка – и вот пергамент, на котором записана опасная древняя тайна, попал в руки авантюриста.Приходится Ралиджу из Клана Сокола отправляться за Лунные горы, в Силуран, чтобы вернуть похищенный пергамент и возвратить бежавшего из дому парнишку.И не знает он, что его давний враг, чародей Джилинер, вновь плетет недобрые чары. Не знает, что на пути его встретятся загадочные Глиняные Люди – убийцы, меняющие облик. Не знает, что судьба сведет его с попутчиками, скрывающими настоящие имена и цель путешествия. Не знает, что поневоле очутится в гуще силуранских политических интриг. Не знает, с какими чудовищными тварями придется сражаться, какие древние призраки обратят к нему свои мертвые взоры… Но если бы знал – что изменилось бы? Надо спасти мальчишку, которого растил как родного сына. Надо вернуть пергамент, который опасно оставить в недобрых руках.А значит – вперед, воин!

© Голотвина О. В., 2003
© Автор, 2003

Содержание

1 5
2 12
3 15
4 20
5 27
6 31
7 36
8 40
9 49
10 56
11 62
12 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Ольга Голотвина
Встретимся в Силуране!

Дмитрию Юрьевичу и Наташе Браславским – моим первым читателям, строгим и терпеливым

Дорога – по суше, по воде, по судьбе…

Когда мир вокруг ненадежен и убийцы меняют облик, должны оставаться неизменными честь, отвага и клинок.

Когда пути сойдутся в Силуране, сводя вместе друзей и врагов, мир покачнется на краю – и из отчаяния родится надежда.

1

Беда, если встретится незадачливому путнику на лесной дороге человек в потрепанной до лохмотьев рубахе и холщовых штанах – но в красивом, опушенном мехом плаще из толстого сукна. Или в потертой кожаной куртке – а на сапогах серебряные пряжки… При одном взгляде на такого щеголя бросит догадливого путника в дрожь. Сразу начнет он прикидывать: с кого снял встречный незнакомец такие дорогие вещи… а главное – что этот франт сейчас подумывает прибавить к своему наряду?

Именно такие подозрительные бродяги и сидели вдвоем на берегу лесного ручья. Кусты боярышника были плохой защитой от осеннего ветра, поэтому один из парней закутался в свой роскошный плащ, стянул его на груди толстыми витыми шнурами и набросил на голову капюшон. Второй поднял воротник куртки и хмуро сказал:

– Где этого дурака болотные демоны носят? Холодно и жрать хочется…

– Слышь, Матерый, надо бы мне пойти, – озабоченно отозвался его дружок. – Зря ты Гундосого послал. Его в детстве мамаша башкой на камни уронила, не иначе…

Тот, кого назвали Матерым, задумчиво качнул седой лохматой головой:

– Подождем чуток. Не явится – ты пойдешь. Заодно поймаешь этого дурня да вколотишь ему нос до затылка, чтоб впредь шустрей был.

– Постой, – перебил его приятель, – что там по ручью шлепает?

Оба вскочили на ноги, глядя сквозь листву, как через ручей, по пояс в воде, бредет щуплый человечек. Вцепившись в ветви ивы, он вскарабкался на берег, огляделся, махнул рукой и двинулся сквозь кусты к своим дружкам.

– Я напрямик… чтоб обогнать… Уходить надо!

– Облава? – нахмурился Матерый.

– Не на нас. Большая охота ниже по ручью… – Гундосый сморщился, словно собираясь чихнуть, и захихикал. – Ой, потеха была! Самого Хранителя лошадь прочь от свиты унесла, а потом и вовсе сбросила.

– Далеко отсюда?

– Не очень. Свита ищет Хранителя, да со следа сбилась, ушла вниз по ручью. Спохватятся, вернутся… уходить надо!

– А Хранитель где? – хрипло спросил Матерый.

– В Совиной балке, ловит свою серую…

– В Совиной балке?.. Знаю, к ручью выходит. – Главарь обернулся к обладателю дорогого плаща. – Слышь, Костолом, можно устроить засаду!

– Засаду? – не понял Костолом. – На Сына Клана?

Гундосый хмыкнул.

– Вот! – покосился на него атаман. – Ты-то с нами недавно, а Гундосый помнит, как этот самый Хранитель в моем отряде из общего котла лопал. Что, не веришь? Это сейчас он Ралидж Разящий Взор из Клана Сокола, Ветвь Левого Крыла – звучит-то как! А мы с Гундосым его звали попросту – Орешек… и был он беглым рабом, таким же никчемным для нашего разбойничьего дела, как и прочие рабы: ни на коня сесть, ни меч в руки взять…

– Нож хорошо в цель метал! – взыграло в Гундосом чувство справедливости.

– Ага, – нехотя признал атаман, – уже в бегах научился, в Аршмире.

– А мне говорили, – недоверчиво перебил Костолом, – что Ралидж – лучший фехтовальщик Великого Грайана.

– Уж и лучший… – буркнул главарь. – Хотя и впрямь насобачился в шайке. Учил его один наемник, большой мастер был… Ладно, кончай пустую мякину провеивать! Пошли, а то упустим…

– И на кой он нам нужен? – возмутился Костолом. – Кто ж на охоту деньги берет? И ты сам говорил: Сына Клана грабить – дураком надо быть!

Матерый ощерился и сплюнул.

– То ж я про настоящих говорил, они колдуны. А этого Клан усыновил…

– Да с какой дури нам связываться с Хранителем крепости – колдун он там, не колдун?..

– Ты, Костолом, человек пришлый, разбойник из тебя – как из меня кружевница! – Матерый помрачнел, продолжил глухо, злобно: – Я крепкой шайкой командовал, сорок человек под моей рукой ходило! Три года назад анмирские стражники облаву учинили, так я едва десять морд собрал уцелевших. А теперь остался один Гундосый, да еще ты прибился… Ну, пробеременся в Чернолесье, разыщем шайку Хрипатого – и что нам Хрипатый скажет? Не знаю, скажет, никакого Матерого! Идите, скажет, парни, котел лагерный чистить! А я ему – вещицу со знаком Клана: пряжку с соколом или там перстенек с печаткой. Пусть видит Хрипатый, с какими лихими людьми говорит!

– А Хрипатый тебе в ответ, – подхватил Костолом, – мол, подумаешь, пряжка! Может, вы ее возле прачечной сперли, когда рабыни одежду господина стирать несли!

Матерому нечего было ответить, но признаться в этом было немыслимо. Чем меньше народу оставалось в шайке, тем болезненнее относился главарь к любой попытке подорвать свой авторитет.

– Заткнись, крысеныш! Прикажу – так и в Подгорный Мир отправишься, не то что в Совиную балку!

Гундосый замахал на Костолома руками:

– Не спорь, дурень, с атаманом, он тебе хребет из спины выдернет! Лучше дай плащ, а то я промок… согреться…

Костолом поспешно отступил от протянутой руки и сказал с неожиданной силой и серьезностью:

– Тронешь мой плащ – убью!

– Что ты все за плащ свой трясешься? – хмыкнул главарь. – Золото, что ли, в подкладку зашито? Может, проверить?.. Ну-ну, шучу, не хватайся за меч. Некогда дурака валять. Добычу упустим…

* * *

Устроившись на разлапистой ветви дуба, Матерый расправлял сеть и поглядывал вниз сквозь не по-осеннему густую, еще зеленую листву.

Сейчас, когда рядом не было дружков, атаман засомневался: а и впрямь, по силам ли он затеял дело? Не вышло бы по пословице: хотела щука поймать карася, да ерша схватила…

Лестно, ох, лестно бы похвастать в новой шайке добычей, снятой с Сокола! В ком не шевельнется страх при мысли о Кланах, родоначальниками которых были двенадцать могучих магов? Их потомки – высшая знать Великого Грайана. Сами боги отличили их от прочих людей!

Но Орешек-то, Орешек! Ведь его Матерый помнит растерянным парнем лет двадцати, против воли угодившим в шайку! Что ж такого немыслимого мог совершить беглый раб, чтоб его усыновил Клан?..

От смятенных размышлений разбойника отвлек приглушенный вскрик в соседней кроне. Гундосый! Небось на свой нож напоролся, чурбан с ушами!..

Нет, что-то не то… Мир вокруг неуловимо изменился. Птицы смолкли, ветер умер…

У Матерого озноб прошел меж лопаток. Атаман подался вперед, напряженно вглядываясь в листву. Внезапно из сплетения ветвей вынырнул Гундосый. Бедняга висел вниз головой, ноги его были охвачены какими-то широкими лентами. Разбойник беспомощно дергался, пытаясь перевернуться. Лицо его побагровело, из горла вырвался нелепый писк.

Матерый подхватил с развилки ветвей арбалет и замер, не зная, в кого стрелять.

Широкие ленты разошлись в стороны, вопль огласил опушку – и в воздухе закачалось то, что мгновение назад было Гундосым: две разорванные половины человеческого тела, из которых хлестала кровь.

Матерый, бросив сеть, попытался спрыгнуть на землю, но грудь и шею обхватило что-то холодное. Выронив арбалет, он двумя руками оторвал от горла душившее его щупальце неизвестной твари, повернулся и уткнулся подбородком в мягкий колышущийся мешок. Завыв от ужаса и отчаяния, Матерый левой рукой отталкивал врага, а правой пытался нашарить у пояса нож. Перед его лицом по серой, чешуйчатой, обвисшей складками коже елозил маленький желтый глаз. Именно елозил – исчезал в складках и тут же выныривал в другом месте.

Разбойнику удалось дотянуться до ножа. Из белесой мглы безумия выскользнула последняя мысль: «Глаз… метить в глаз…»

Но поздно, поздно: второе щупальце со страшной силой обхватило человека поперек туловища и, ломая ребра, прижало руку к телу. Нож выпал из онемевших пальцев. Обхватив третьим щупальцем ветку и приподнявшись, как змея на хвосте, чудовище ударило своей жертвой о ствол дуба.

Атаман умер, не успев услышать, как затрещали ветви внизу, где в кустах устроился в засаде Костолом.

* * *

– С-скотина! – с чувством сказал Орешек.

Серая кобыла кокетливо переступила передними ногами и склонила голову, искоса поглядывая на человека.

Ну и как с ней разговаривать, с наглой дрянью? Привыкла, понимаете ли, к всадникам, которые умеют одним прикосновением к поводьям дать понять лошади, кто здесь хозяин.

Орешек осторожно шагнул вперед и протянул руку к уздечке. Серая насмешливо фыркнула, мотнула головой и отступила на шаг. Издевается, мерзавка тонконогая! Не иначе как ей кто-нибудь насплетничал: мол, было время, когда нынешний Хранитель крепости стоил в три раза дешевле, чем такая породистая, статная красавица.

Ну не мог, не мог он с детства обучаться верховой езде! Нельзя рабу садиться в седло! Впервые Орешек взгромоздился на конскую спину лет примерно в двадцать, в разбойничьем отряде. Помнится, тот гнедой был оскорблен его неловкостью. И выразил свой протест весьма энергично…

Серая кобыла, обманутая рассеянным видом хозяина, потеряла бдительность и загляделась на ветку бересклета, что покачивала на ветру пестрые сухие шарики плодов. И тут же рука человека торжествующе вцепилась в уздечку.

Но победа оказалась неполной. Обиженная кобыла перебросила поводья через голову и заплясала вокруг хозяина, не давая ему вставить ногу в стремя.

Вот так! И плевать ей на то, что ее господин не дал вражескому войску обрушиться на Грайан. Это пустяки. А вот то, что, садясь в седло, он заходит не с той стороны…

– Чтоб тебя волки съели! – тепло пожелал Орешек. – Ну, иди в поводу, раз такая госпожа капризная…

Он мог бы сказать еще многое, но его прервал вопль, пронизавший облака листвы. Так кричат лишь в последний миг жизни.

Хранитель крепости Найлигрим тут же забыл о своих мелких неурядицах, выпустил повод серой и кинулся на голос. Он сознавал, что это может оказаться ловушкой, но не боялся: у пояса дремала в ножнах Сайминга, Лунная Рыбка…

Разлетевшиеся в стороны ветви, как распахнувшийся занавес, открыли грозное и недоброе зрелище.

Прислонившись к стволу дуба, высокий человек из последних сил отбивался мечом от нападавшего на него чудовища. Орешек в первый миг даже не признал живое существо в этом дряблом сером мешке с тремя щупальцами, плавающем в воздухе. Движения чудовища казались неуклюжими, но оно уворачивалось от клинка, вновь и вновь бросаясь на противника. Второй серый мешок неподвижно завис неподалеку, не вмешиваясь в драку, но явно рассчитывая на долю в добыче.

Подгорные Твари, тайными тропами проникшие во владения людей! Они были непохожи друг на друга, эти отродья Подгорного Мира – летающие, ползающие, крадущиеся на когтистых лапах, – но всегда были коварными, свирепыми и очень опасными…

Лишь тень этих мыслей промелькнула в голове Орешка, когда он бежал к берегу ручья, на ходу опустив руку на эфес.

Из ножен бесшумно вылетело полтора локтя стали – и какой стали! Клинок был создан древними мастерами, секрет ковки затерялся в веках.

Заметив спешащего к месту битвы воина, чудовище заторопилось. Одно из щупалец перехватило, обвило руку противника с мечом, две другие серые ленты вцепились в добычу. Тварь приподняла человека над землей, сильно раскачнулась в воздухе и ударила свою жертву о ствол дуба – в том месте, где зазубренным копьем торчал обломок большого сука. Сухое дерево насквозь пробило рвущегося из чешуйчатых объятий человека. Короткий, полный муки крик полоснул воздух – и оборвался.

Легко сдернув добычу с окровавленного сука, тварь уронила ее на землю и угрожающе подалась навстречу новому противнику.

Но на этот раз перед хищником оказался не безвестный бродяга, а лучший фехтовальщик страны. Орешек – нет, уже не Орешек, а Ралидж Разящий Взор! – искусно владел приемами боевого искусства карраджу – «смертоносное железо».

Сокол хладнокровно увернулся от тянущегося к нему щупальца и красивым скользящим движением срубил чешуйчатую ленту. Щупальце, извиваясь, упало к ногам воина. Перепрыгнув через него, боец очутился под закувыркавшимся в воздухе, потерявшим равновесие чудовищем.

Тварь попыталась спикировать на человека, но вышло у нее это неуклюже, и меч дотянулся, прочертил на обвисшем брюхе летучей гадины тонкую линию.

Вокруг расползлось зловоние, такое сильное, что Ралидж на миг сбился с четкого ритма дыхания. Превратившись в беспомощную тряпку, тварь грудой осела у ног победителя. Даже

не взглянув на поверженную добычу, воин вскинул клинок, готовясь отразить атаку второго чудовища. Взгляд человека был спокоен и тверд, смерть глядела из зрачков.

Тварь не приняла вызова. Медленно раздуваясь, серый шар взмыл в небо и поплыл над кронами. Плоские щупальца, раскинувшись в стороны, ловили воздушные потоки.

– Только клинок об эту дрянь измазал… – брезгливо сказал Орешек вслух и усмехнулся: его мечу было не привыкать. Сайминга сгубила не одну Подгорную Тварь.

Вонзив клинок в землю, Орешек быстро оглядел место боя, чуть передернулся при виде разорванного человеческого тела, заметил в кроне дуба нелепо повисшую фигуру – этому бедняге уже не поможешь! – обернулся к последнему участнику трагедии, неподвижно лежащему у ствола… и вздрогнул, наткнувшись на взгляд светлых глаз, затуманенный страшной болью, но вполне осмысленный.

Вей-о! Он жив? Безликие боги, да у него же весь живот разворочен!

Хранитель нагнулся над лежащим человеком, чья душа уже отрывалась от тела, спеша на зов Бездны.

– Потерпи, приятель. Сейчас в крепость тебя, там лекарь хороший, выкарабкаешься…

Лживые, бессильные слова, жалкая попытка утешить умирающего.

Ответом был голос, в котором лишь легкая дрожь выдавала смертную муку:

– Не надо врать… лучше бы добил.

– Не умею добивать, – честно признался Орешек. – Слушай, может, твоим родным чего передать? Кто вы вообще такие – ты и твои друзья?

– А ты не узнал? – пробились в голосе умирающего насмешливые нотки. – Это не мои, а твои друзья, Сокол!

Орешек с недоумением взглянул на останки неизвестного бедняги – его сейчас не признали бы ни любимая женщина, ни мать. Перевел взгляд наверх, всмотрелся в искаженное гримасой смерти лицо среди листвы. Вздрогнул: узнал… Обернулся к умирающему и сказал без прежнего сочувствия:

– Вот ты, значит, из каких… И много вас тут бродит?

Обида пересилила боль. Незнакомец даже чуть приподнял голову:

– Это ты из «таких», Сокол, а я Подгорным Охотником был… случайно к шайке прибился…

Вновь уронил голову на мох и, кривя рот, пробормотал куда-то мимо собеседника:

– Предупреждал меня Заплатка… что плохой день… а я не верил…

Вспыхнувший на миг гнев Хранителя угас. Конечно, по долгу службы он старательно преследовал любую шайку, что появлялась в окрестностях… но разве забудешь ночи у разбойничьего костра?..

Эти мысли вдруг стайкой разлетелись прочь: Орешку показалось, что за спиной мелькнуло что-то темное. Он гибко развернулся, вскинул клинок, готовясь отразить удар.

Но Сайминга застыла в воздухе. Орешек сплюнул и негромко помянул Тысячеликую. То, что он принял за противника, оказалось плащом, наброшенным на куст боярышника. А движение… ну, наверное, порыв ветра рванул полу плаща…

Хотя ветра, между прочим, никакого не было.

Да что там ветра… Во имя Серой Старухи, здесь и плаща-то никакого не было несколько мгновений назад!

Орешек недоверчиво оглядел находку. Темно-коричневый, дорогого сукна плащ был наброшен на куст так аккуратно, словно его расправили руки исполнительного слуги. Капюшон в меховой опушке чуть склонился на ветке, словно заглядывая человеку в лицо. Зеленая заплатка на капюшоне щурилась, как нахальный глаз.

И все равно – не было здесь плаща! Орешек, хвала Безликим, еще не рехнулся!

– Твой плащ? – спросил Хранитель раненого так грозно, словно речь шла о кусачей собаке.

Умирающий человек приподнял голову и сказал неожиданно сильно и четко:

– Был мой. Теперь твой будет!

Это прозвучало как приказ… нет, как грозное заклинание! Но тут же силы оставили незнакомца. Он откинулся затылком на мох и виновато улыбнулся:

– Вот такое наследство… Побереги его, Сокол… Я…

Хрип коротко клокотнул в горле, на губах запузырилась кровь.

Орешек стиснул зубы. Он так и не привык к виду смерти – и это после всех пережитых приключений!

Но для этих троих бедняг все могло обернуться еще страшнее. Остались бы лежать в чаще – кто сложил бы для них погребальный костер? Души не попали бы в очистительную Бездну, не возродились бы в новых телах. А теперь придется о них позаботиться. Хоть и разбойники, а все ж нельзя, чтоб человеческая душа в несказанных мучениях металась меж мирами.

Орешек вложил клинок в ножны, снял с ветвей боярышника плащ и накрыл тело незнакомца. Теперь нужно разыскать свиту… где их болотные демоны носят?..

Словно в ответ на его мысли, далеко в чаще послышались тревожно перекликающиеся голоса. Орешек обернулся на зов, но не успел сделать ни шагу. Что-то мягко обрушилось сзади на плечи.

Опытного бойца трудно застать врасплох. Сразу же, словно он ожидал нападения, Орешек нырком уклонился вниз, опрокинулся на спину и с силой ударил обеими ногами в сторону неизвестного врага. Но удар пришелся в пустоту. Вскочив на ноги, Орешек огляделся.

Вокруг – никого… лишь лежат в траве останки растерзанных чудищем разбойников.

А у ног Орешка – груда коричневого сукна. Плащ… тот самый, которым он только что укрыл мертвеца.

То ли холодным ветром потянуло от ручья, то ли озноб пробежал по коже… Орешек вновь выхватил Саймингу и шаг за шагом начал отступать с поляны.

Груда плотной материи шевельнулась… вот опять… зазмеилась меховая оторочка капюшона… вытянулся толстый витой шнур с золотой кистью…

Ошибиться было нельзя: медленно, осторожно плащ полз следом за человеком.

Ах, так! Стало быть, это колдовская тряпка! И лишь Серая Старуха знает, чего от нее можно ожидать!

Видал Орешек волшебные предметы, но до сих пор они за ним не гонялись. И этому бешеному сукну Сокол не позволит себе на плечи прыгать! Сейчас он из него лоскутков понаделает!

Коротко, гневно взмыл клинок…

Но почему замешкалась Сайминга? Ведь только что она твердо и беспощадно рубила тугую чешуйчатую плоть Подгорной Твари. А сейчас рука, держащая меч, дрогнула, потому что в памяти Орешка всплыла фраза умирающего разбойника: «Предупреждал меня Заплатка… что плохой день…»

Заплатка? Это он, случайно, не о…

Заминка была краткой, но плащ успел скользнуть по траве вперед, прямо под клинок, к ногам Орешка.

Нет, это не было нападением. Золотые шнуры обвились вокруг ног воина, капюшон прижался к коленям.

Орешек в смятении шумно выдохнул: перед ним словно простерся молящий о пощаде человек… и рука не могла обрушить на него меч…

Мгновение проходило за мгновением. Капюшон чуть пошевелился, показалась краешком зеленая заплатка, словно снизу вверх робко выглянул глаз: «Ну, что ты со мной сделаешь? Пощадишь или…»

Орешек уже пришел в себя. В конце концов, за последние годы ему довелось повидать кое-что почуднее плаща, пусть даже волшебного.

– Так ты и есть Заплатка? – строго спросил он. Не дождавшись ответа, нагнулся, поднял плащ. – Стало быть, тебя мне в наследство навязали? Ну-ну…

Плащ с трогательной покорностью висел в руках нового владельца. Плотное, добротное сукно пропахло дымом лесного костра, к нему прилипла сухая хвоя; из меховых дебрей выглянул муравей.

– Ну и что мне с тобой делать? – поинтересовался Орешек, задумчиво стряхивая с плаща мелкий сор. – Не хочешь с прежним хозяином на погребальный костер?

То ли порыв ветра подхватил полы плаща, то ли Заплатка сам рванулся из рук – Орешек еле успел удержать его за капюшон.

– Ладно, ладно, понял. Но смотри у меня… попробуй хоть чем-то навредить… велю из тебя мешок для репы сшить!

Накинув на плечи очищенный от сора плащ, Хранитель Найлигрима пошел берегом ручья навстречу приближающимся голосам свиты.

2

Белый мраморный дракон прильнул к бассейну, опустив в воду пасть. Это было добродушное существо, лукаво косящее огромным глазом. Длинный, в серых разводах хвост кольцом обвил легкую ажурную беседку.

Хрупкая седая женщина в беседке зябко повела плечом и уютно укуталась в мягкую шерстяную накидку. Да, в девяносто два года кровь уже не так быстро бежит по жилам… Что ж, Фатинита Аметистовое Кольцо и так засиделась в теплой, доброй осени – пора встречать хмурую зиму, полную одиночества и скуки. Зиму, когда чувствуешь, как отдаляются, уходят от тебя близкие, любимые люди. Конечно, о тебе будут заботиться – так бережно стирают пыль с вещи, некогда дорого стоившей, а теперь обветшавшей, но выбросить-то жалко!

Такие мысли пугали Фатиниту куда больше, чем думы о близкой смерти. Вздрогнув, она поспешила успокоить себя. Разве она не Мудрейшая Клана Дракона? Разве не сквозь ее хрупкие старческие пальцы струятся все мало-мальски важные дела Клана?

Разве хоть одна свадьба сыграна без ее одобрения и участия? Разве хоть один ребенок получил имя без благословения Фатиниты? Разве не она деликатно и ласково мирит горячую молодежь, разве не у нее на счету около двух десятков расстроенных Поединков Чести? Для своего Клана Фатинита не менее важна, чем король… Впрочем, это для других он король, а для нее – внучатый племянник, любимый, но порой вызывающий изрядное беспокойство.

При мысли о короле настроение вновь испортилось. Фатинита взяла лежавшее на круглом столике отточенное перо, раздраженно повертела его в тонких пальцах. Как не хотелось начинать это письмо! Она старалась не связываться с политикой, оставив ее Джангилару: мальчик неплохо справляется с государственными заботами. Если бы он еще поменьше думал о войнах!.. Какие-то Проклятые острова – и зачем они ему понадобились? Одно название чего стоит… Ну ладно, ладно, завоевал он их, пора бы и успокоиться! Ведь так все хорошо шло в последние годы: мальчик женился (Фатинита сама выбрала ему невесту), стал отцом… Мудрейшая зажмурилась от удовольствия, вспомнив тепло маленького нежного тельца в своих ладонях. Крепкий, горластый мальчишка – Арджанги Золотой Меч! Вырастет таким же упрямым и непоседливым, как его отец!

И теперь этот славный маленький принц может осиротеть. Ну зачем Джангилару понадобилось ехать в этот окаянный Силуран? Неужели у короля нет вельмож, которым можно доверить подписать мирный договор? А еще лучше – пусть бы Нуртор сам приехал в Тайверан. Силуранцев чаще били, им договор нужнее…

Мудрейшая пробовала объяснить Джангилару, какой опасности он подвергается. Но молодой король расхохотался, обнял ее за плечи и весело сказал: «Фатинита, милая, я тебя с женитьбой послушался, верно? А уж государственные дела оставь мне. В этих-то пустяках я как-нибудь разберусь – посмотри, какой я уже большой вырос!»

Как же, вырос! В детстве за него все решала старшая сестрица – и сейчас она королем как хочет, так и вертит!

Фатинита словно воочию увидела перед собой умные черные глаза под ровными дугами бровей. В ушах зазвучал мягкий убедительный голос:

«Конечно, государь, все будет так, как ты повелишь. Но, пожалуйста, не говори, что здесь задета честь Великого Грайана! Не говори, что мы, победители, идем на поклон к побежденному! И дело, конечно же, не в том, что Нуртор пообещал передать Грайану Горную Колыбель. Нет, взгляни на дело иначе. Мирный договор необходим, но мы же понимаем: рано или поздно воевать придется вновь. Я думала, ты захочешь воспользоваться случаем и произвести разведку: укрепления на подступах к Джангашу, стены, башни… ну в военных делах ты разби-

раешься лучше. К вельможам Нуртора не мешало бы присмотреться: кого можно купить кого сманить… Впрочем, ты – король, решение за тобой…»

Хитра Нурайна, хитра! «Разведка…» На Джангилара это слово подействовало, как звук боевого рога!

Но и она, Фатинита, не намерена без спора отпустить короля в страну, с которой у Великого Грайана триста лет идет грызня. Еще случится какая беда… а наследному принцу и года нет…

Старая женщина решительно обмакнула перо в бронзовую чернильницу в виде лилии. Левой рукой придержала край пергамента.

Нужно сыграть на самолюбии государя. Ни в коем случае не упоминать об опасности! Нет, надо напомнить королю о том, что Нуртор готов даже расстаться с Горной Колыбелью, самым сильным магическим предметом в Силуране, лишь бы не ехать во вражескую столицу. Нуртор думает о чести страны и о собственной гордости… не хочет выглядеть смешным… Вот-вот, это подходящее слово – «смешным». Джангилара нельзя запугать, но можно высмеять. Король, конечно, посердится, но потом задумается, а это главное!

Краем глаза Фатинита заметила, как приоткрылась дверь в беседку. На пороге возник старый раб – почти ровесник своей хозяйки. На подносе он держал высокий кубок, над которым поднимался пар. Фатинита зябко повела плечом, порадовалась заботливой сообразительности слуги и тут же забыла о нем, обдумывая первые строки письма. За спиной уютно прошуршали шаги, вкусно запахло отваром смородинового листа с медом. Госпожа качнула головой – мол, не сейчас, позже, позже…

Внезапно поднос и кубок полетели на ковер. Фатинита не успела удивиться: не по-старчески сильные руки вцепились ей в подбородок и шею. Сухо хрустнули шейные позвонки, женщина обмякла в кресле. Выпавшее из пальцев перо забрызгало пергамент чернилами.

Убийца бесшумно повернулся к выходу из беседки, но споткнулся на ровном ковре – такой пронзительный, сокрушающей силы визг полоснул воздух. За ажурной стеной беседки стояла толстая служанка. Ошалев от ужаса, она тыкала рукой в сторону беседки и визжала, визжала так, что деревья вокруг в смятении затрепетали, роняя листья из желтеющих крон.

Одним прыжком убийца вылетел за порог, вломился в заросли жимолости. Ничего старческого уже не было в этом человеке: он несся широкими, сильными прыжками, словно вырвавшийся из клетки зверь. За его спиной вспыхивали тревожные, злые возгласы: стража сбегалась на вопли служанки.

Стражники не стали ахать и охать, обнаружив в беседке тело Мудрейшей. Моментально стряхнули они благодушную одурь, навеянную последним теплом уходящего солнышка, и с яростным азартом ринулись в погоню. Мирный парк со сквозной осенней листвой, мраморными статуями и бродящими у фонтана ручными павлинами превратился в дебри, где скрывается чудовище. Стражники двигались цепью и, перекликаясь, теснили убийцу в северную часть парка – туда, где за раскидистыми липами, за кустами жасмина круто уходил к реке каменистый обрыв. Чтобы уберечь игравших в парке детей, над кручей была воздвигнута высокая и частая ограда.

В грозно-веселые голоса погони вплелся пронзительный вопль, перешедший в предсмертный хрип: один из преследователей настиг убийцу. Подбежавшие к месту схватки стражники обнаружили своего товарища лежащим на окровавленной траве. Лицо было исковеркано мучительной застывшей гримасой, на губах лопались кровавые пузырьки.

Стражники переглянулись – зверь на ходу огрызался! – и продолжили погоню молча, ожесточенно. Среди деревьев уже видны были кованые прутья ограды. Десятник властно крикнул:

– Не убивать! Чтоб для допроса живой был, для пытки!

Кусты распахнулись, расступились, словно спеша убраться с пути разгоряченных преследователей. Мечи в руках будто сами тянули хозяев вперед, арбалеты стальными жалами выцеливали врага. Лишь своевременный окрик десятника помешал стражникам навалиться без всякой пощады на высокого седого человека, прижавшегося спиной к решетке.

Стража оцепила добычу широким полукольцом. Десятник хотел было приказать убийце идти за ними во дворец… но встретился с немигающим твердым взглядом – и не смог вымолвить ни слова. Глупо, нелепо… но опытный вояка вдруг почувствовал себя зеленым новичком, который сейчас получит выволочку от командира.

Убийца обвел стражников тем же ледяным взором – и мечи неожиданно показались им тяжелыми. С таким взглядом не сдаются в плен. Так надсмотрщик в рудниках смотрит на провинившихся рабов.

Среди стражи не было трусов – кто доверил бы трусу охрану дворца? И сейчас они не испугались, но опешили под этим беспощадно-пустым взглядом. В первый миг им показалось, что они узнали раба, который много лет прислуживал Мудрейшей. Но сразу поняли, что ошиблись: никогда у старого невольника не было такой твердой осанки, такого немигающего взора, такого… такого… о Безымянные! Черты лица убийцы менялись на глазах, словно оплывали, принимая другие очертания! Всплыли выше брови, заострился нос, ввалились щеки…

Изменялось не только лицо. Тело заколыхалось, вытянулось, стало уже, плечи нелепо придвинулись друг к другу, словно фигура сложилась пополам… и потрясенные стражники поняли, что жуткий пришелец, не сводя с них глаз, протискивается, просачивается меж прутьев решетки. Но это же невозможно! Там и ребенок не пролез бы!

У кого-то из арбалетчиков сдали нервы. Сверкнула стрела, вонзилась в шею существа, в котором не признать уже было человека. Тварь не дрогнула, мягко скользя сквозь близко стоящие толстые прутья. Никто из стражников не посмел сделать к решетке даже шага. Существо было уже на той стороне, за оградой, над обрывом. Тело, нелепо вытянутое, расправлялось, принимая человеческие очертания. Рука с оплывшей, искалеченной кистью поднялась к шее, резко вырвала застрявшую стрелу. На миг открылась жуткая рана, но сразу исчезла, затянулась, а брызги крови на одежде тут же побурели и высохли.

Десятник пришел в себя первым. Человек, колдун или чародейская тварь, но убийца должен быть схвачен!

– Стой! – крикнул он чужим голосом. – Пристрелю, как собаку!

Еще не закончив фразу, воин понял, как нелепо она прозвучала. Но убийца не усмехнулся, не выкрикнул в ответ насмешку. Он лишь глядел на стражников – но взгляд утратил остроту, стал невидящим.

У ног твари возникло желтое кольцо света. Оно начало медленно подниматься над травой, окутывая существо золотистым коконом. Оружие заледенело в руках стражников, сердца сковал холод. Золотистое сияние развеялось – и вместе с ним исчезла таинственная тварь. Опустел обрыв над рекой, лишь ветер трепал клочья желтеющей травы.

Оцепенение отпустило стражников. Бледные, потерянные, сгрудились они вокруг десятника, а тот с трудом выдержал тоскливо-вопросительные взгляды и прикидывал, какими словами будет докладывать сотнику о том, что стоял в двух шагах от преступника, убившего Мудрейшую Клана Дракона, и тем не менее упустил злодея.

3

Золотистое сияние гасло в зыбкой глубине зеркала. Исчезали очертания решетки, расплывались потрясенные рожи стражников, растворялся край обрыва. Все скрыла мелкая рябь.

Зеркало не было послушным рабом падавших на него лучей света. Оно обладало чем-то вроде собственной воли и само выбирало, что появится на его поверхности. Но что бы ни выплыло из светлой глубины – морское сражение или тайное убийство, любовное свидание или казнь на площади, – все было как-то связано с человеком, что сидел сейчас в кресле перед зеркалом. Именно его отражение проглянуло сквозь успокаивающуюся рябь. Сначала проступили глаза – серые, широко поставленные, – потом густые брови, прямой нос, чуть впалые щеки, окаймленные черной бородкой, длинные прямые волосы… За спиной человека видна была комната: пушистый светлый ковер на полу, полка со свитками и книгами, невысокий столик, жаровня для благовоний, старинные водяные часы.

В комнате почти ничего не менялось десятилетиями. А вот ее хозяин за последнее время изменился – и очень! После длительной отлучки он возвратился в родной замок таким, что его с трудом признало собственное зеркало. Кожу покрывал жестокий, дубленый загар; руки, некогда холеные, были в мозолях и трещинах; движения утратили томность и лень, стали угловатыми, нервными; уголок рта время от времени подергивался; во взгляде застыло горькое и злое недоумение: мол, как *такое* могло случиться *со мною.*

Загар понемногу сошел, мази и травяные настои вернули рукам мягкость, нервный тик почти унялся, но взгляд никак не мог обрести привычную уверенность. Словно человеку казалось, что он случайно оказался в этом замке и его в любой момент могут отсюда вышвырнуть.

Вот и сейчас: твердо вглядывается в свое отражение, плотно сжал губы… должно быть, мысленно напоминает себе: «Ты – Джилинер Холодный Блеск из Клана Ворона, Ветвь Черного Пера! Ты – один из самых сильных магов в стране… нет, самый сильный! Ты – хозяин этого замка… и самого себя!»

Зеркало часто ловило такой взгляд господина – после того как он вырвался из рабства в далекой заморской стране…

Скрипнула дверь. На пороге встал человек в светлой холщовой одежде, подпоясанной красно-зеленым поясом: так одеваются слуги Драконов. Лишь этот пояс да засохшие брызги крови на ткани напоминали о трагедии, только что происшедшей в дворцовом саду Тайверана.

– Хорошая работа! – приветливо воскликнул Джилинер, оборачиваясь к вошедшему. – Я видел все в зеркале, я…

Он осекся, встретив равнодушный, тусклый и тупой взгляд. Ни искры оживления не вызвала хозяйская похвала на неприметном, с мелкими чертами лице. По сравнению с этим существом корова, лениво жующая в хлеву жвачку, показалась бы воплощением пылкости и высоких душевных порывов.

Маг подавил в себе раздражение. Стоящий перед ним был создан мастерством самого Джилинера. Это не человек. Глупо ожидать слишком многого от несчастной твари… И все же маг часто вспоминал Шайсу, своего прежнего подручного. С каким грозным рвением служил тот Ворону! Каким счастьем была для него хозяйская похвала! Как с полуслова понимал он планы господина!

Правда, он не обладал такой нечеловеческой силой и не умел так менять внешность, как три создания, выполняющие теперь волю Ворона.

Джилинер усмехнулся, вспомнив, как впервые предстал перед ним вот этот самый слуга: тупая, бесстрастная готовность к убийству, заключенная в зыбкую, переменчивую плоть. Эта безличность, смазанность облика была ужаснее самого чудовищного уродства. Ворону вспомнился кошмар его детства – рассказанная няней сказка о Глиняном Человеке, ворующем по

ночам детей. И Джилинер назвал свое создание Глиняным Человеком. Позже, когда тварей стало трое, к имени прибавилось слово Первый…

– Этим вечером вас станет четверо… – задумчиво произнес чародей.

Глиняный Человек не отреагировал на эти слова, как не обращал внимания на долгое молчание господина. Просто стоял, глядя перед собой.

– Ладно, гениальное существо, слушай приказ. Отправишься вслед за остальными Глиняными Людьми – в Силуран, добывать для меня корону… – Джилинер на миг запнулся, взгляд его скользнул мимо Первого. – Корону, да… На меньшее я теперь не соглашусь… после того, что судьба сделала со мной… Нет, меня излечит только власть, только трон… А раз трон Грайана защищен от меня Заклятьем Верности – что ж, возьму силуранский. Тем лучше для Силурана. Худшим правителем, чем Нуртор, я при всем желании не смогу стать».

Будь на месте Глиняного Человека Шайса, он про себя весьма усомнился бы в последних словах господина. Но Первому были безразличны судьбы стран и народов. Убийца ждал приказа с терпением топора, всаженного в колоду возле поленницы…

Заметив его пустой взгляд, Джилинер оборвал свой монолог и вздохнул.

Да, Первый справился с поручением. И все же – разве можно быть в нем уверенным? Первое, во многом неудачное создание Джилинера… орудие, которое может подвести в самый важный миг…

Пожалуй, имеет смысл проверить его еще раз. И поручить не убийство беспомощной старухи, а дело посерьезнее. Но такое дело, от которого не зависит судьба великих планов. Справится слуга – можно использовать его и дальше. Не справится – придется его заменить.

А дело подходящее как раз на примете имеется. И старые счеты можно свести, и на будущее избавиться от опасного врага…

– Заброшу-ка я тебя по дороге в Силуран еще в одно местечко. Есть на границе крепость Найлигрим. Попробуй убить ее Хранителя. Сумеешь – честь тебе и хвала; нет – значит, ошибся я в тебе, дубине.

Положив руку на резную раму, чародей нахмурил брови, мысленно подчиняя своей воле капризное зеркало. Замелькали, сменяя друг друга, беспорядочные картинки. Вот возникли массивные крепостные ворота. Вот появились и исчезли двое рабов, несущих ведра с водой. Вот полутемная просторная кухня, озаренная пламенем четырех очагов и полная суетящихся слуг…

– Не то, не то… Гляди! – негромко сказал Ворон. – Этот высокий, с бляхой десятника… распекает двух наемников… он нам подходит. Смотри, запоминай!..

Бравый усач исчез с зеркального стекла. Джилинер обернулся к Глиняному Человеку – и довольно приподнял бровь. Перед чародеем стоял высокий статный вояка с длинными пшеничными усами и шрамом над переносицей. Плечи развернуты, голова гордо поднята… вот только глаза подвели – остались тусклыми, невыразительными.

– Неплохо, – оценил хозяин. – Похож. Одежду сменить не забудь… Если не справишься с Хранителем – не задерживайся, уходи в Силуран. Ралиджем займется Четвертый. С каждым разом вы у меня получаетесь все удачнее. Второй смышленее тебя, а Третья хитрее вас обоих… хотя, конечно, тоже дура. Надеюсь, от Четвертого будет больше проку.

* * *

Дрова для погребального костра были накрыты черной пеленой, расшитой золотыми еловыми веточками. Настоящие еловые лапы были в изобилии разбросаны поверх пелены. Костер ждал огня давно, хвоя успела осыпаться с ветвей. Предгрозовой душный воздух был полон ее сухим горьковатым запахом, в котором ощущалась томительная сладковатая примесь: еловые поленья были политы «небесным огнем» – неслыханная роскошь! Тяжелый дурманящий

аромат держался на поляне, словно лес не хотел пропустить его в свои чернеющие недра, в сплетение стволов и ветвей.

Джилинер придирчиво оглядел аккуратные ряды поленьев, расправил сбившийся край пелены.

На сумрачную поляну вышли двое рабов. Они старались ступать бесшумно, но это трудно делать, когда тащишь тяжелую ношу. Малейший хруст сухой ветки под ногой заставлял рабов содрогаться. Поспешно возложили они на подготовленный костер большой темный тюк и двинулись было прочь, но один замешкался.

– Что еще? – обернулся хозяин. Голос был негромок, но бил хлестче плети.

Невольник покрылся холодным потом. Его раздирали надвое желание оказаться подальше от господина и боязнь плохо выполнить приказ.

– Он… он, кажется, не выпил вино… – мотнул раб головой в сторону темного тюка.

– «Кажется» или «не выпил»?

– Я… мы… он начал пить… потом выронил… кувшин выронил… а я…

Раб тихо застонал, теряя разум от черного ужаса. Чародей вгляделся в лежащего на пелене человека.

– Спит… Убирайся!

За спиной затрещали сучья: слуга с огромным облегчением ринулся с поляны. А Джилинер все вглядывался в лицо распростертого на смертном ложе человека: решительная, упрямая челюсть в темных завитках бороды; узкий выпуклый лоб, скрытый в спутанных курчавых волосах; острые, почти волчьи клыки за полуоткрытыми губами…

«Крепок. Силен. Надо полагать, здоров. Говорил, что наемник, но, пожалуй, разбойник… Впрочем, это не имеет значения».

Лес тревожно притих под сгустившимися тучами. Все живое смолкло, затаилось, забилось в норы, под корни деревьев, предчувствуя не просто грозу, а нечто более опасное, недоброе.

Маг поднял глаза к небесам – и содрогнулись тучи под этим взглядом! Клубящаяся темная масса пришла в движение, стала уплотняться, чернеть.

Чародей заговорил глухо, страстно:

– Призываю тебя! Криком совы и безлунной полночью заклинаю тебя! Следом змеи в траве и волчьим взглядом во мраке заклинаю тебя! Стеблем цикуты и болотным дурманом заклинаю тебя – приди на добычу! Приди на горячую кровь, приди на сонную плоть, приди на дрожащую душу!

От мрачного полога, нависшего над поляной, отделился черный сгусток и, вытягиваясь, устремился к земле. За ним вдогонку скользнула вторая нить, третья… Зависнув над костром, нити свились вместе, превратились в некое подобие руки с невероятно длинными пальцами. Черная кисть зашевелилась, медленно поплыла вокруг поляны. Казалось, кроны деревьев ежатся от ужаса при ее приближении.

Описав круг, рука зависла над Джилинером. Гибкие пальцы, извиваясь и корчась, потянулись к неподвижно застывшему чародею. Пахнуло промозглым холодом, потянуло запахом тины. Она не была живой, эта странная… вещь?.. тварь?.. Но она была готова вобрать в себя чужую жизнь. Маг знал это – и все же не дрогнул, когда ледяные пальцы скользнули вниз по лицу, задержались на горле.

– Не меня, – твердо сказал он. – Твоя добыча ждет тебя на погребальной пелене.

Пальцы сильнее стиснули горло, словно ожидая страха, мольбы, крика. Не дождавшись, нехотя разжались, отстранились, оставив на коже липкий след. Маг не позволил себе облегченно вздохнуть. Бестрепетно следил он за тем, как черный сгусток в форме пятерни завис над лежащим на черной пелене человеком.

Туча спустилась еще ниже, края ее выгнулись, в глубине засверкали искры.

Маг промолвил хрипло и повелительно:

– Возьми его память – и дай мышцам медвежью силу!

Черный сгусток разросся, навис над беспомощной жертвой. Над телом сомкнулись и разомкнулись призрачные медвежьи лапы.

– Возьми его умение радоваться жизни – и дай телу змеиную гибкость!

Гигантская черная змея вихрем завертелась по погребальной пелене, по простертому на ней человеку.

– Возьми… – продолжил было Ворон… но тут голос его дрогнул и сорвался, а черная туча вскипела и забурлила, как котел отравы над костром, потому что человек, обреченный в жертву темным силам, вдруг открыл глаза и попытался приподняться на локтях.

«Как?.. Почему?.. Раб говорил – он не допил вино с сонным зельем…»

Вот тут Джилинер узнал, что такое страх. Нельзя, ни за что нельзя было прервать обряд! Тот, кто пришел за человеческой душой, не уйдет без добычи. И чародей знал, кто станет этой добычей, если пленник вырвется из черных пальцев.

– Возьми его умение любить, – провозгласил маг, пересиливая отчаяние, – и дай мастерство перевоплощения!

В глазах пленника недоумение сменилось ужасом, а ужас – яростью. Он не понимал, что происходит, но готов был сопротивляться. Это был гордый и мужественный человек. Сонное зелье выпило силу из его мускулов, свело немотой горло, но он твердо и гневно глядел вверх – туда, где сгусток мрака клубился, принимая очертания безобразно кривляющегося лица. Не сила, не страх, даже не желание жить, а воля и упрямство заставляли его упорно ползти к краю черной пелены. Он не отдавал свою душу, не отдавал себя!

Немая борьба нашла отклик в вышине, туча хищно снизилась. На землю обрушилась волна беззвучной злобы. Страшное обещание было в этом потоке ярости, лютая угроза.

Плечи чародея согнулись, словно под непосильной тяжестью: Ворон ощущал на себе противостояние двух чужих воль. Этот смертный бой проходил сквозь душу мага.

Обращенное ввысь лицо пленника озарилось дерзкой, бесстрашной ухмылкой: руки вновь начали слушаться его! Человек рывком подтянул тело к самому краю поленницы.

Медлить было нельзя, и Джилинер прокричал:

– Возьми его умение ненавидеть – и сделай его моим рабом!

Гром расколол небо. Молния, сорвавшись с низкой тучи, белым копьем ударила в сложенные дрова. Огонь взметнулся гулкой стеной, жар заполонил поляну, заставил пожухнуть листья. Раскаленным воздухом нельзя было дышать; этот царственный, властный костер не подпустил бы к себе ни одно живое существо…

Кроме Джилинера. Ворон не страдал от яростного жара – он сам был в тот миг огнем, ощущал себя частью костра.

На лес обрушился ливень – тугой, сильный, жадный. Это был ливень-захватчик, ливень-завоеватель. Но ни одна капля не упала на поляну, где вершилось злое колдовство.

Чародей сорвал с пальца кольцо и, размахнувшись, бросил в самое сердце рвущегося к небесам раскаленного потока. Затем опустился на землю, не отрывая взгляда от просвечивающей сквозь пламя черной стены поленьев, и приготовился ждать…

* * *

На небе медленно гасли звезды – их больше не прятала страшная туча. Луна ушла за верхушки деревьев. Предрассветный ветерок, набравшись смелости, шевелил листву. Страхи ночи умирали вместе с ночью, и какая-то дневная птичка с куцей памятью уже пробовала горлышко.

Ее первые трели вывели Джилинера из задумчивости. Он поднялся на ноги – колени затекли, на одежде пепел! – и протянул руку к прогоревшему дотла кострищу.

Остывающая зола зашевелилась. Маленький золотой ободок плавно поднялся в воздух, пересек поляну и лег в подставленную ладонь хозяина. Джилинер заботливо проверил, не пострадало ли кольцо от огня, не оплавилась ли вычеканенная на нем цифра «4». Затем надел кольцо на палец и негромко приказал:

– Подойди ко мне!

Над кострищем сгустился воздух, стал плотным, зарябил. Зола взвилась маленьким смерчем. Когда она развеялась, посреди кострища стоял обнаженный человек. Тяжело переступая босыми ногами, он приблизился к чародею и равнодушно взглянул ему в лицо пустыми темными глазами. Маг одобрительно оглядел широко развернутые плечи, крепкую шею, мощные грудные мышцы.

– Прими облик… – Джилинер на миг задумался, – того раба, что дал тебе кувшин с вином.

Словно невидимые руки ваятеля прошлись по мягкой глине – так изменилось стоящее перед Джилинером существо. Выпирающие ключицы, обтянувшая ребра кожа, идиотская ухмылка, нелепо торчащий вихор… Вот только зябкого рабского страха не было в изменивших цвет глазах. Они остались пустыми, невыразительными.

– Скажи, что ты счастлив служить своему господину.

– Я счастлив служить своему господину… – послышался сбивчивый, вздрагивающий лепет.

– Моим голосом! – приказал Джилинер.

– Я счастлив служить своему господину, – твердо и уверенно прозвучал ответ.

Но сочетание собственного голоса с заморенным, хилым телом и придурковатой физиономией показалось чародею таким неприятным, что он велел Четвертому принять прежнее обличье и огляделся.

– Видишь этот пень? Вырви его из земли!

Земля вздыбилась, как волны в шторм, когда гигантские корни распороли слой травы и слежавшихся листьев.

– Хорошо! – с чувством сказал Джилинер. – Доставил ты мне хлопот, но, кажется, дело того стоило…

Он снял с пальца золотой ободок с цифрой «4» и продел в него тонкую золотую цепочку, на которую были нанизаны три кольца. Затем узкой тропкой направился прочь с поляны, небрежно бросив через плечо:

– Иди за мной!

Он не видел, что вслед ему полыхнул лютый, ненавидящий взгляд. Всего на мгновение.

4

– Как ты думаешь, что это? Разбойники грабят торговый обоз?

– Что ты, дорогой! Разве не слышишь рычания? Это волки гонят оленя!

– Ну, судя по визгу, олень уже затравлен, идет драка за добычу… А вот я разберусь с этими хищниками!

Скрипнула дверь. Хранитель Найлигрима шагнул в комнату. Его жена остановилась на пороге, залюбовавшись свирепым мельканием пухлых ручек и ножек среди скомканного коричневого сукна и бурого меха.

Орешек точным движением запустил руки в визжащий ком поднял за шиворот двух «хищников». Близнецы разом перестали вопить и висели в отцовских руках, полные молчаливого протеста и горькой обиды.

– И кого ж это я ращу? Разбойников?.. – начал было Хранитель воспитательную речь… но оборвал ее, внимательно осмотрел свою добычу и восхищенно воскликнул: – Ну никогда не научусь различать, кто из вас кто!

Карапузы молчали, всем своим видом показывая, что этой тайны у них не вырвать.

Арлина засмеялась, шагнула к мужу и безошибочно взяла у него из рук крепенькое кареглазое существо.

– Арайна, девочка моя, как тебе не стыдно! Ладно, еще братик проказничает, он мальчишка… Но ты же барышня, Дочь Клана, разве можно быть такой драчуньей?

– А как ты определила, что это она? – поинтересовался Орешек, поудобнее усаживая сынишку у себя на руках. Зеленые глаза Арлины светились мягко, ласково:

– Ой, что ты, они же такие разные! Раларни глядит исподлобья, надулся… спусти их сейчас на пол – опять в драку полезет, прямо при нас. А у малышки глазки ясные, невинные… прямо пай-девочка, мамина радость! Можно подумать, не она сбежала вчера от няни и была изловлена на кухне, в корзину с яблоками залезть успела.

– Вот это да! – оценил Орешек достижение дочери. – Такая крутая лестница! Такие высокие ступеньки!.. А нянька-дура куда смотрела? И ты, кстати, тоже?

Арлина виновато улыбнулась и, уходя от опасной темы, подняла с пола плащ:

– Они что-то этот плащ очень любят: чуть отвернешься – утащат, бросят на пол и возятся на нем. Но сегодня-то, сегодня! Я же своими руками уложила его в сундук! На замок, правда, не заперла, но крышка тяжелая, малышам не поднять.

Орешек покосился на капюшон с зеленой заплаткой:

– Пожалуй, об этом надо спросить не малышей.

– Думаешь, кто-то из прислуги?.. Кстати, разреши мне спороть эту заплатку! Под ней же нет дырки… какая идиотка ее пришила, да еще зеленую? Да и стыдно Хранителю в латаном ходить.

– Не смей! Я же говорил – заплатку не трогать! Дай плащ сюда… сразу, кстати, и надену, сейчас по дождю ходить придется.

– Опять? – охнула Арлина, принимая из рук мужа сынишку. – Простудишься же! И без того полдня по ливню мотался, еле успел в сухое переодеться! Хоть ворот завяжи, а то тут сквозняк!

Снисходительно улыбнувшись заботливой воркотне жены, Орешек поднял руки к завязкам ворота. Внезапно лицо его стало озабоченным, пальцы пробежались по тонкой материи у горла.

– Мешочек свой на тесемочке ищешь? – догадалась Арлина. – Ты мокрую рубаху через голову стягивал и его нечаянно снял. Мешочку высохнуть не мешает, его Иголочка с остальными вещами у огня положила.

– Где?

– В трапезной. Там сейчас никого нет, а камин горит.

– Пойду заберу, – серьезно кивнул Орешек и вышел из комнаты. Не стоило оставлять мешочек валяться где попало. Конечно, для Орешка хранящийся там клочок пергамента – лишь память о вырастившем его мудром старом человеке, но чужим глазам он может открыть грозную, недобрую тайну.

В коридоре Орешку встретился дарнигар крепости.

– Господин мой, – окликнул рыжебородый гигант Хранителя, – я тут кое-что придумал…

Хоть Орешек и спешил, но задержался, невольно улыбнувшись. Не стоило и спрашивать, какая забота мучает Правую Руку Хранителя.

Харнат Дубовый Корень был не из тех, кто дергает вышестоящих своими мелкими проблемами. Он отвечал за гарнизон – и поддерживал в нем железный порядок. Сам и только сам. Старый воин умудрился, невзирая на низкое происхождение, вырасти от рядового наемника до дарнигара крепости, но при этом предпочитал общаться с неприятелем, а не с начальством (если, конечно, был выбор). Неприятелю, по крайней мере, можно врезать секирой по башке.

Однако сейчас бывалый солдат столкнулся с совершенно новой для себя задачей и от растерянности поделился своей бедой с Хранителем. И теперь двое союзников увлеченно продумывали хитрые тактические ходы.

Дело в том, что в прошлом году Харнат женился (чего сам от себя никак не ожидал). Женой его стала наемница по имени Аранша Золотое Лето – веснушчатая рыбачья дочь, крепкая, смелая и веселая. Казалось бы, живи да радуйся… но после свадьбы обнаружилось, что новобрачная и не думает оставлять службу. Она, видите ли, носит бляху десятника, чем редкая женщина может похвастать, и обидно ей остаток жизни мужу штаны стирать. Как служила, так служить и будет; для семьи время найдется, а если с чем по дому не успеет управиться, так на то рабыни есть. Раньше-то холостого дарнигара рабыни обшивали да обстирывали, так с какой стати неплохому десятнику свое дело бросать и в бабьи хлопоты с головой уходить?

Услыхав подобные речи в первый раз, Харнат попросту опешил. Во-первых, ни о какой стирке штанов и речи не шло: супруга дарнигара – персона в крепости уважаемая, ей грязной работой ручки пачкать зазорно. Самое большее – за служанками приглядеть… да детей рожать, пока им обоим еще не поздно. Во-вторых, ему, Правой Руке Хранителя, перед людьми стыда не оберешься, если его жена за деньги будет на плацу мечом махать да в карауле стоять. В-третьих, одна сволочь уже пересказала Харнату свеженькую загадку, что начала бродить по соседнему городу Ваасмиру: «Как называется крепость, где десятник дарнигаром командует?..»

Убедившись, что все доводы бессильны, Харнат попробовал топнуть ногой и прикрикнуть на жену. Аранша не ответила грубостью, не начала шуметь – быстренько собрала свои вещи и перебралась в женскую казарму, к прежним товаркам.

Харнат решил сменить тактику: попытался одолеть своенравную жену нежностью и лаской. На ласку Аранша с удовольствием откликнулась, моментально возвратилась в супружеские покои. Но службу, змея упрямая, все-таки не бросила…

Как быть? Властью дарнигара выгнать отличного, проверенного в битвах бойца? Без всякого повода? Это было бы подлостью… и, что для Харната куда важнее, это было бы служебной промашкой. А служебной промашки он всегда боялся больше, чем самого черного греха.

Тут он и выплеснул перед Хранителем свою беду. В Соколе заговорила мужская солидарность. Он заявил, что очень понимает дарнигара, а потому возьмет грех на душу и сам вышвырнет Араншу со службы. Пусть женщина радуется спокойной семейной жизни…

Да, как бы не так! Это только считается, что выше Хранителя лишь король. И поближе управа нашлась, не пришлось Аранше и в столицу ехать. Наемница просто кинулась в ноги супруге Хранителя и попросила заступиться за нее.

Госпожа пришла в ярость. Как, Араншу хотят обидеть? Араншу, с которой они когда-то отправились за море в Наррабан и пережили уйму опасных приключений? Араншу, которая во время последней осады крепости швыряла вниз со стены Подгорных Людоедов? Да что они о себе вообразили, эти мужчины?!

Сначала Арлина держалась спокойно и скромно, лишь попросила мужа оставить Араншу в покое – хотя бы ради прошлых боевых заслуг храброй наемницы. Обманутый мирным тоном жены, Орешек ответил, что без нудных караулов и утомительных тренировок женщине будет лучше, тут дарнигар прав, в Аранше просто говорит упрямство, и вообще это дело мужа – решать, какой жизнью должна жить его жена.

Вот тут-то все и началось!..

К чести Орешка надо признать, что он испугался не обрушившегося на него урагана, а того, что у жены, кормившей тогда близнецов, от волнения может пропасть молоко…

Мужчины отступили, но не сдались. Наемники, прислуга и жители ремесленного «городка» пересмеивались, глядя, как Правая Рука наблюдает за каждым шагом жены, надеясь поймать ее хоть на каком-нибудь упущении. В карауле, на плацу, во время конного патрулирования окрестностей – всюду настигало женщину бдительное око ее супруга. Как выразился один из сотников: «Араншу не проверяют только в бане…»

Ко всеобщему удивлению, Аранша не только не злилась на дарнигара, но явно получала от происходящего удовольствие. Эту возмутительную травлю женщина воспринимала как увлекательную, азартную игру…

И теперь Правая Рука, лучась радужной надеждой, тихо делился с Хранителем новой идеей:

– Ребята видели в лесу стайку кошек-бабочек, из Подгорного Мира залетели. Поручить бы Аранше поймать парочку – королю в подарок, для зверинца. Их сроду никто живьем изловить не мог, стрелами только… Вернется с пустыми руками, а я ей: ага-а! Приказ не выполнила! Кому такой десятник нужен?

– Овдоветь надумал? – заговорщически зашептал в ответ Хранитель.

– Как – овдоветь?! – в голос рявкнул Харнат, забыв о секретности беседы. – Почему – овдоветь?! Они ж людей не жрут, эти кошки-бабочки… кусаются только…

– А ты что, с Араншей первый день знаком? Думаешь, она так и вернется в крепость, провалив задание? Да она прямиком в Подгорный Мир попрется, благо знает, где Врата. Пойдет искать гнездовье этих кошек-бабочек, или нору, или где они там выводятся…

– Но она же… она боится Подгорного Мира!

– Боится. Но если приказать – пойдет. И не возвратится.

Потрясенная физиономия дарнигара, раскрасневшаяся в обрамлении рыжей бороды, яснее слов говорила о том, что почтенный Харнат еще не созрел для вдовства. И в ближайшие пятьдесят-шестьдесят лет вряд ли созреет.

Орешек сочувственно потрепал беднягу по плечу, ободряюще хмыкнул и начал спускаться по крутой винтовой лестнице.

Покои Хранителя располагались на втором ярусе громадной башни, которая называлась «шаутей» – «последняя надежда». Внизу находилась просторная трапезная. Именно там, у решетки растопленного очага, были разложены для просушки вещи Хранителя.

В первый момент Орешку, спускавшемуся по лестнице, показалось, что в трапезной никого нет. Но тут же он увидел у дверей худенького невысокого мальчика в кожаной куртке.

– Ильен! – дружески окликнул Хранитель мальчика. – Гулять собрался? Так дождь ведь…

Мальчишка обернулся. В светлых глазах его метнулся страх.

– Я… Мы с ребятами… Я в «городок»…

– Ну, беги… – растерянно разрешил Хранитель, удивляясь смятению парнишки.

Горстка дров в очаге почти прогорела, угли тлели под серым пеплом. На массивной решетке был разложен сырой черный плащ, почти просохшая рубашка, а на краю прута висел на широкой тесьме небольшой кожаный мешочек. Думая о семейных трудностях дарнигара, Орешек рассеянно снял мешочек с решетки, расправил тесьму… и тут мысли о Харнате и его своенравной супруге начисто вылетели из головы Хранителя.

Конечно, мешочек всегда был легким, но все же…

Нетерпеливые пальцы рванули завязку. Мешочек был пуст. Исчез клочок пергамента, на котором ученый Илларни Звездный Голос из Рода Ульфер некогда начертал несколько слов – разгадку одной из самых опасных в истории тайн.

Не сразу осознав трагизм происшедшего, Орешек повернулся к лестнице, чтобы позвать служанок… но не крикнул: вспомнил распахнутые глаза Ильена, его замешательство… да какое там замешательство – мальчишка явно был перепуган!

Хранитель пересек трапезную, распахнул две двери и вышел под серое осеннее небо, сочащееся мелким противным дождиком.

По обе стороны от входа в шаутей, укрывшись от дождя под каменным козырьком, стояли двое часовых с алебардами. От них Хранитель узнал, что Ильен только что прошмыгнул мимо – но не направо, в «городок», а в сторону Северных ворот…

Часовые у Северных ворот подтвердили: да, мальчишка был здесь, сказал, что хочет встретить конный отряд. Ребятишки часто выходят за ворота навстречу возвращающемуся с патрулирования отряду, а потом гордо въезжают в крепость на крупах лошадей позади взрослых. Но малыши всегда делают это большой гурьбой, с шумом, смехом, визгом… и уж конечно, не по такой погоде.

– До чего же мне все это не нравится… – озабоченно протянул Хранитель. – А ну, оседлать мне коня!

* * *

Три раза Орешек набрасывал на голову капюшон, чтобы спастись от мороси, нависшей в воздухе серой сетью. И трижды капюшон сползал на плечи, открывая густую каштановую шевелюру дождю: Заплатка ненавязчиво напоминал, что пора повернуть коня и возвратиться в уют и тепло, вместо того чтобы тащиться по сырости неведомо куда… Заметив эти штучки, Орешек выругался и пригрозил отдать плащ рабыням на тряпки, пусть лестницу моют! Ответа, как и следовало ожидать, не было, но капюшон, который Орешек снова накинул на голову, на этот раз вел себя примерно.

Хранитель вернулся к своим тревожным мыслям. И почему он давным-давно не сжег проклятый пергамент? Сразу надо было его спалить, как только выяснилось, что же стоит за простеньким алхимическим рецептом, в который входят сера, селитра и древесный уголь… Ох, и грохоту было! Полкрепости сбежалось, пришлось что-то быстро соврать… Ну, это не беда, врать Орешек умел и любил. И то, что грудь тогда крепко опалило, тоже ерунда: сошли ожоги, свела их Арлина пахучей травяной мазью…

Куда хуже было потом, в бессонные ночи, когда глаза не видели над собой черных потолочных балок, уши не слышали тихого дыхания прильнувшей к плечу жены, а в голове огненным колесом кружилась мысль: это как же позабавилась Хозяйка Зла, что в его руки попала тайна, утерянная со времен великого мага Шадридага! Страшно вымолвить – Душа Пламени! Столько сказок… столько легенд… такие ужасы в летописях… а на деле всего-то – селитра, сера, уголь! И что же теперь делать с таким опасным богатством? Отдать королю? Уничтожить?

Зачем было хранить пергамент? Последняя память… Как будто без этих строчек Орешек мог забыть доброго и мудрого человека, который из жалости купил у работорговца шестилетнего малыша и вырастил с любовью и заботой, как родного внука…

А теперь трогательные воспоминания могли довести до беды. Кто же взял пергамент? Неужели все-таки Ильен? Мало с мальчишкой головной боли, теперь еще и это…

Мысли Орешка вернулись в прошлое, в тот день, когда он, окончательно утвержденный королем в правах Сына Клана, въехал в Найлигрим – уже не самозванцем, а законным Хранителем. Но скандальную славу королевским указом не отменишь. Орешек – теперь уже Ралидж! – понимал, что и воины, и жители «городка», и рабы пялятся ему в спину, перешептываясь: мол, повезло-то как бродяге…

Надо было с первого дня показать всем, кто хозяин в крепости. Поэтому Ралидж не пропустил мимо ушей сообщение о том, что за день до его прибытия изловили четверых разбойников. Дарнигар с шайвигаром рассмотрели дело (как и положено в отсутствие Хранителя) и приговорили всех четверых к удавке. А один из разбойников орет на всю крепость, что закон нарушен и боги такого не потерпят…

Ну, орет и орет, кому до этого дело, с удавкой на шее еще не то заорешь! Но Ралиджу надо было к чему-нибудь придраться и задать дарнигару с шайвигаром выволочку, чтоб к Хранителю с трепетом относились. Потому и спустился в подземелье поговорить с осужденным, выяснить, чем это не устраивает его правосудие Великого Грайана.

И с первого взгляда понял: этому чернобородому верзиле наплевать, удавят его или отпустят. Так и так не жилец уже. Лицо землистое, глаза запали и нехорошо блестят, губы побелели, разорванная рубаха позволяет видеть повязку на животе… В бок разбойнику уткнулся мальчишка лет шести-семи, прижался, не шелохнется…

Пленник дерзко, без всякого почтения заявил, что, за такую несправедливость Безымянные нашлют на эту проклятую крепость землетрясение или ураган. Ему-то самому плевать, что удавка светит: с такой раной в живот все равно до правнуков не дотянешь. А вот что здешний шайвигар, сволочь жадная, его сынишку решил в рабство продать… Ясное дело, все по закону, а все-таки надо было Левой Руке сперва разобраться! Мальчик остается последним из Рода; если его продадут – Род оборвется… Что-о?! А за кого их с сынишкой до сих пор принимали, за Отребье вонючее? Из Рода они, неужто не видно?

Хранитель учтиво ответил, что да, он принимал своего пленника именно за Отребье вонючее; а если он ошибается, то пусть ему объяснят, какой Род может похвалиться столь славным отпрыском.

«Я – Иллави Звездный Свет из Рода Ульфер!» – гордо отчеканил смертник.

Тут Орешек стал серьезен, как жрец во время Великого Моления. Потребовал подробностей – и узнал, что некогда Илларни, тогда еще не знаменитый ученый, а веселый искатель приключений, был заброшен судьбой в Ваасмир, влюбился в купеческую дочь и уговорил под венец против воли отца. Илларни даже попытался осесть в Ваасмире, зарабатывая уроками и составлением гороскопов… но не тут-то было! Не успела молодая жена подарить ему сына, как из столицы прискакал гонец с указом. Вскрылось… как бы выразиться помягче… не совсем удачное вмешательство Илларни в государственную политику, за что он и должен был немедленно отправиться в изгнание. Но как потащишь за собой еле живую после родов женщину и двухдневного ребенка? Пришлось смирить гордость и удариться в ноги тестю, чтобы тот позаботился о дочери и внуке. Тесть согласился, но с условием: бродяга-зять навсегда исчезает из Ваасмира и из жизни добропорядочного купеческого Рода. Илларни скрепя сердце согласился, уехал и больше не давал о себе знать, лишь стороной доходили невероятные слухи о его приключениях.

Иллави, оставшись при живом отце сиротой, вырос в доме деда, но не поладил с родней, подался в наемники, а затем и в разбойники. Но то его грехи, а малец тут при чем? Ильен Звездный Луч, последний из Рода Ульфер…

Тут мальчишка оторвал лицо от отцовской рубахи и прямо взглянул на Хранителя. Орешек чуть не вскрикнул – так знакомы ему были эти мелкие птичьи черты, этот смешно торчащий белый вихор, эти светлые глаза…

Разумеется, о продаже в рабство и речи больше не шло. Разбойник вскоре скончался от раны, а осиротевший мальчик остался в крепости. Оказалось, что ему не семь лет, а все девять, просто уродился щуплым. Опять-таки в деда, а не в отца-богатыря.

Орешек с радостью заметил в Ильене пытливый ум, прекрасную память, самозабвенную тягу к знаниям. Одна беда – характер… Как ни баловал его Орешек, все не мог угодить на мнительного, замкнутого, обидчивого мальчишку, который вбил себе в голову, что в крепости его держат из милости, как приблудного щенка, и в каждом слове, в каждом взгляде Хранителя ухитрялся найти подтверждение этой вздорной мысли.

Когда Ильену исполнилось двенадцать, Хранитель предложил ему пожить в Ваасмире, в городе можно найти знающих учителей. Мальчик обрадовался… потом, правда, поскулил, что его хотят спровадить с глаз подальше, но это больше так, по привычке.

Орешек снял комнату в хорошем доме; оставил у хозяина-купца для Ильена солидную сумму денег; нашел учителей и позволил нанимать других, если понадобятся; договорился с ваасмирским шайвигаром, чтобы тот позволил мальчику посещать городское книгохранилище. И удачно получилось: учится паренек, доволен, алхимией увлекся… Но в последний приезд Орешка в Ваасмир – новый сюрприз: чуть не со слезами начал Ильен проситься назад, в крепость. Соскучился, мол… Вроде бы и хорошо, что соскучился, крепость домом считает. А только что-то здесь не так… неискренность какая-то в голосе…

И тут перед глазами Хранителя словно зарево полыхнуло: о чем он думает, Многоликая его побери? У него украли такую жуткую тайну, а он про мальчишеские причуды рассуждает! Хотя… если пергамент взял Ильен, все не так уж страшно. Как взял, так и вернет, не воришка же он! Просто детская шалость…

Лошадь внезапно остановилась: на дорогу из мокрых зарослей волчьего лыка вынырнул человек. Задумавшийся Хранитель встрепенулся, но тут же узнал лицо с пшеничными усами и шрамом над переносицей.

– Сайвасти? Что ты здесь делаешь?

– Я… это… да не прогневается господин… – сбивчиво начал наемник, отводя глаза.

«Что он мнется? – удивился Хранитель. – Непохоже на него… А-а, небось здесь замешана какая-нибудь местная красотка! Ладно, он хороший десятник, можно не дергать его расспросами…»

– Ты Ильена не видел? – перебил Сокол невразумительные объяснения наемника. – Пропал мальчишка…

– Ильена? – переспросил Сайвасти и чуть помолчал. – Нет, не видел. А где может быть – знаю. Тут, в ущелье, лачуга заброшенная, туда ребятишки играть бегают.

– Лачуга? Что-то я не слышал ни о какой…

– Да развалины, господин мой, три стены… но крыша есть. Для детских игр годится… или там дождь переждать…

– Ладно, показывай.

– Сюда, господин, здесь кусты не такие густые…

Плотнее завернувшись в тяжелый сырой плащ, Хранитель заставил свою возмущенную лошадку свернуть с дороги. Он словно плыл по бедра в зеленой, мокрой, липнущей к одежде листве. Рядом Сайвасти ломился сквозь кусты, как кабан. Мельком Хранитель подумал: «А что ж десятник без коня?» Но тут же отвлекся: вредная серая не давала ему сосредоточиться ни на чем, кроме своих лошадиных выкрутасов.

А может, потому так нервничала и фыркала чуткая кобыла что шел рядом с ней предупредительный, заботливый человек, отводящий ветки на пути лошади и почему-то прячущий глаза…

5

– И не смейте называть это кражей! Злодей не в курятник залез, а в тронный зал! И не плащ с гвоздя стянул, а… Это преступление против короны!

Нуртор Черная Скала сверкал глазами, борода его возмущенно дергалась в такт словам.

Почтеннейший Файрифер Изумрудный Лес, скромно стоя в углу королевской опочивальни, с умилением взирал на государя. Гнев Вепря не пугал старого советника: не на него же сердит король! Гораздо важнее было то, что этим вечером, вставая из-за большого стола в трапезной, Нуртор назвал его, Файрифера, в числе тех, кто проводит государя в опочивальню и будет беседовать с ним перед сном. Почти два года Файрифер не удостаивался этой чести – ну понятно, военных советников в мирное время оттирают придворные хлыщи!

Но сегодня король вновь соизволил обратить внимание на старого слугу. Теперь главное вовремя вставить умное словечко…

А Нуртор продолжал бушевать:

– Но почему?.. Почему Секира Предка?.. Раз этот ворюга такой ловкий… раз по дворцу расхаживает, как я сам… почему не в сокровищницу наведался? Зачем ему тронный зал и старый топор на цепи?

«А сейчас Нуренаджи скажет: это всё грайанцы…» – подумал Файрифер.

– Это всё грайанцы! – прозвучал молодой глуховатый голос, явно подражающий королевской манере говорить. – Горную Колыбель мы им отдаем, Секиру Предка они сами взяли! Говорил же я…

– Ты говорил, мы слушали, – перебил его другой молодой голос – звонкий, певучий. – На днях нам ливень охоту испортил – грайанцы постарались, сволочи такие! В старом крыле дворца крысы пол прогрызли – тоже гады грайанские зверушек науськали…

Словно незримые клинки скрестились в воздухе! Придворные напряглись, притихли. Король насупился: ему крепко надоела постоянная грызня племянников.

Файрифер переводил взгляд с одного принца на другого. Сейчас, когда двор раскололся на две партии, было важно не ошибиться в выборе. Как два мостика над бурной рекой: один переведет на другой берег, второй подломится под ногой…

Насколько все было бы проще, будь у Нуртора сын, а не два племянника…

Нет, Файрифер правильно сделал, что не примкнул к сторонникам Тореола Скалы Встречи. Конечно, Тореол – сын старшей королевской сестры, да и сам на два месяца старше двоюродного брата. Казалось бы, законный наследник… но ведь по отцу он – из Клана Орла! Разве захочет Вепрь передать свой трон Орлу… и разве понравится это остальным Вепрям, самому многочисленному и сильному Клану в Силуране?

А вот Нуренаджи Черный Эфес – это Вепрь из Вепрей и дядюшкин любимец. Вероятно, потому, что очень похож на дядю, больше-то его не за что любить…

А о сходстве своем с Нуртором знает прекрасно и всячески ему подражает: походкой, голосом, одеждой… бороду отпустить пытается, да не выходит это у него: клочьями торчит бороденка, убожество такое… Да и в остальном подражание королю шутовством оборачивается.

Вот и сейчас: набычился, покраснел, глазами сверкает… вылитый Нуртор, только внушает не почтительный трепет, а желание расхохотаться. Хотя, конечно, никто не смеется.

– Нечего издеваться над дальновидностью! Со времен Лаограна Узурпатора от грайанцев одни неприятности! От них и от их тупоголовых защитничков здесь, в Джангаше!

Тореол, небрежно прислонившийся плечом к затянутой гобеленом стене, отпарировал:

– К тупоголовым защитничкам ты относишь и короля? Государь ждет гостей из Грайана, мирный договор будет подписывать.

Нуренаджи опешил, пошевелил губами, вцепился себе в бороду толстыми пальцами (совсем как дядя!) и уже собрался гневно ответить двоюродному брату. Но вместо его юношеского рявканья все услышали грозный рык государя:

– А ну молчать, вы, оба! Не то вылетите за порог! Вконец обнаглели – в моей опочивальне голос поднимать! Еще Поединок Чести устройте прямо здесь, перед очагом!

Оба принца изобразили раскаяние – в меру своих артистических способностей. Король, поостыв, продолжил:

– Я вас не за тем сюда позвал, чтоб свары слушать, на это мне дня хватает! Я желаю знать: кому понадобилась наша семейная реликвия? Не из золота, не из серебра… силы волшебной не имеет… Почему украдена именно эта вещь? Старья во дворце мало, что ли, да еще не прикованного цепью к стене?

Советник Файрифер невольно ухмыльнулся: что верно, то верно! В Джангаше бытовало поверье, что старые вещи, которые служили еще предкам, хранят потомков от бед. Поэтому в королевских покоях крайне редко что-то менялось. Достаточно обвести взглядом опочивальню: траченный молью балдахин над кроватью; ковер на полу, вытоптанный так, что не разобрать рисунка; древние гобелены по стенам… В алых отсветах камина все это казалось еще более обветшалым, чем было на самом деле.

Все, кроме оружия! Коллекция оружия была страстью короля; она властно заполонила все стены во дворце, закрыв собой наивные рисунки старинных гобеленов, цветастую яркость наррабанских ковров, изысканные узоры драпировок из Ксуранга. Здесь было чуть ли не все, что придумано людьми, чтобы резать, рубить, колоть, метать стрелы…

И из всего этого изобилия похищена одна-единственная старая секира!

– Ищем, государь! – прошелестел из-за спин придворных тихий, скромный голос.

– Знаю, что ищете… Меня даже не железяка эта волнует, а слухи, что ползут по городу. Секира Предка… все-таки реликвия – кто мог ее взять?

Файрифер понял, что настало его мгновение.

– Разумеется, государь, – спокойно произнес он, – взять Секиру Предка из тронного зала мог лишь ее истинный владелец – я говорю о Гайгире Снежном Ручье.

– Что ты мелешь? – не сразу понял король.

– Никто не станет спорить, – назидательно сказал советник, – что душа основателя королевской династии, в отличие от прочих душ, после очищения в Бездне не вселяется в новорожденного младенца, а становится защитником и охранителем престола – до тех пор, пока жив хотя бы один…

– Знаем, – нетерпеливо перебил Нуртор. – При чем тут Гайгир? Ему-то зачем этот ржавый топор понадобился?

– А это, государь, зависит от исхода переговоров, – тонко улыбнулся Файрифер. – Если королю угодно будет заключить мир с соседями, в народе будут говорить: Гайгир забрал секиру в знак того, что стране больше не понадобится оружие. Если же переговоры окончатся неудачей, люди скажут: тень предка встречает опасность во всеоружии – и призывает вооружиться весь Силуран. – Файрифер твердо взглянул в глаза королю. – Такие и только такие слухи должны ходить по стране, мой повелитель!

Нуртор басовито расхохотался:

– Ай да советник! Угодил! Порадовал! Были б мы за трапезой – испить бы тебе из королевского кубка! Хотя… погоди-ка…

Нуртор огляделся. На резном столике у изголовья кровати стоял высокий серебряный кубок. Вино с пряностями, любимый напиток на ночь…

– Подойди! – весело приказал король, взяв кубок со стола.

Файрифер шел как по радуге, не чувствуя под собой ног. Опустившись на колени, он запрокинул счастливое лицо, и король своей рукой поднес к его губам край кубка.

Придворные с нескрываемой завистью глядели на торжество советника. Но зависть сменилась на их лицах куда более сложными чувствами, когда стоящий на коленях крючконосый старикашка резко побледнел, вскинул руки к горлу, нелепо завалился на бок и грудой тряпья застыл на ковре. Кубок выпал из дрогнувшей руки короля, покатился, пятная ковер темно-красной ароматной жидкостью. Оба принца шагнули вперед. Тореол растерянно поднял подкатившийся к его сапогам кубок, поставил на столик. Нуренаджи склонился над неподвижным советником, тронул жилку на шее.

– Мертв!

* * *

Легко догадаться, что в эту ночь королю было не до сна.

Тихий, незаметный человечек, до сих пор таившийся за спинами придворных, теперь развил бурную деятельность, как матерый котяра – в амбаре, полном мышей.

Прежде всего были опрошены слуги, стелившие государю постель. Выяснилось, что кубок с вином, как всегда, поставила на столик старая рабыня. «Как всегда» означало «последние лет шестьдесят». Эту высокую, горделиво-статную женщину все называли просто Старухой (хотя, по слухам, прадед и дед Нуртора находили для нее слова поласковее). Она была старейшей из дворцовой прислуги, относилась к своим обязанностям с благоговейной серьезностью, истово, до мелочей соблюдала древние традиции, о которых никто, кроме нее самой, уже и помнить не желал.

И теперь слуги наперебой рассказывали, как этим вечером вошла она, прямая и строгая, в опочивальню, где уже заканчивали стелить государю постель. Поставила на столик поднос с серебряным кубком. Резким окликом заставила замолчать зубоскалов-слуг. Торжественно, обеими руками подняла кубок и на глазах прислуги отпила небольшой глоток (как повелел делать еще прадед Нуртора, побаивавшийся отравы). Поставила кубок на столик, взяла поднос и, ни на кого не глядя, прошествовала к двери. А за ней, гурьбой, – слуги. К столику больше никто не подходил.

Оставив более пристрастный допрос прислуги на потом, чтоб не дать остыть следу отравителя, Незаметный потребовал отчета у стражников, что несли караул у дверей. Государь в тот вечер задержался за трапезой дольше обычного. Входил кто-нибудь в это время в опочивальню?

Оказалось – да, входили один за другим два человека. Стража не посмела заступить им дорогу.

Два принца, Тореол и Нуренаджи.

Племянников, разумеется, допрашивал сам король. Незаметный скромно стоял у стены, подмечая каждый жест, каждый вздох принцев.

Тореол, похоже, в панике. Бледный, губы дергаются, речь сбивчивая. Не привык юнец видеть смерть. Говорят, он в отцовском замке даже охотой не увлекался. Книги, музыка… стихи писал… Ну, этот и мышонка не отравит! Хотя кто знает… все-таки речь о короне…

Нуренаджи выглядит спокойнее. Вот этот ради своей цели родную мать голыми руками задавит не моргнув. Самое смешное, что именно ему не выгодна смерть государя… во всяком случае, сейчас. Он же младший принц – и сын младшей сестры. Случись что с Нуртором – наследником будет признан Тореол. Нуренаджи надо б дождаться указа, которым Нуртор объявит преемником своего любимца, а уж потом… это самое… Хотя… если за Нуренаджи стоит серьезная сила, способная поднять его на трон… тайная, грозная сила… тогда, конечно, другое дело…

Тореол, волнуясь и запинаясь, объяснил, что шел в трапезную… опаздывал, ужин близился к концу… и тут во дворе его остановили подростки, игравшие в «кувыркалочку»…

Король раздраженно поинтересовался, что это за словечко такое, и Тореол пустился в описание новомодной игрушки, завезенной из Ксуранга. К стреле из детского лука привязывается бумажное сооружение, похожее на красочный хвост или пышный цветок. Стрела выпускается вверх, но из-за «цветка» ее полет становится непредсказуемым. Мальчишки – дети придворных – пытались угадать, куда стрела на этот раз «укувыркается». Так вот, она ухитрилась «укувыркаться» в приоткрытое окно спальни государя. И теперь ребята ожидали трепки от родителей.

(При словах «приоткрытое окно» Незаметный встрепенулся, но разочарованно поник, вспомнив, что окно находится довольно высоко над землей и выходит во двор, где отнюдь не пустынно. Никто не смог бы незамеченным пробраться в спальню государя. А от магического появления незваных гостей комнату защищал висящий над кроватью амулет.)

Тореол сжалился над мальчишками, вошел в опочивальню, забрал лежащую на полу стрелу, вернул шалунам. К столику не подходил, к кубку не прикасался. Отправился в трапезную, успев к концу ужина. Всё.

Рассказ Нуренаджи был еще короче. Принц напомнил о том, как за ужином государь заспорил со смотрителем дворцовых архивов о наррабанском кинжале с двойным лезвием под названием «коготь боли», используемом в основном для пыток. Смотритель архивов, человек насквозь книжный и мирный, нес чушь о том, что кончики лезвий отогнуты наружу, он-де это в какой-то рукописи вычитал. А король совершенно справедливо утверждал, что кончики отогнуты внутрь, друг к другу. Нуренаджи вспомнил, что именно такой кинжал висел в королевской опочивальне, слева от двери. Тихо выйдя из-за стола, он сбегал в опочивальню, принес кинжал – и книгочей был посрамлен…

Нуртор озадаченно засопел, не зная, как быть дальше, и грозно воззрился на Незаметного: мол, попробуй не придумать что-нибудь, первым пойдешь Бездну до дна измерять!

Но такие, как Незаметный, в передрягах не теряются. Такого со скалы скинешь – так он на лету у ястреба из клюва добычу выхватит!

– Государь, – сказал он негромко, – не навестить ли нам Отшельника Ста Пещер?

Оба принца встрепенулись, побледнели.

В глазах Нуртора мелькнуло смятение, но тут же сменилось мрачной решимостью:

– Я водил в бой Черных Щитоносцев – не побоюсь и навестить Отшельника!

6

С севера парк Малого Дворца примыкает к скальному массиву, источенному пещерами. Не природные силы потрудились здесь, а руки неведомого древнего народа, что высек в скале эти пещеры, соединил их лабиринтом переходов, украсив стены странными рисунками, а затем навеки исчез. Вымер? Перебрался в чужие края? Этого не знали даже предки нынешних силуранцев, в незапамятные времена перекочевавшие сюда и основавшие здесь столицу.

В старину пещерный город был убежищем для женщин и детей, когда к Джангашу подступал враг и шли бои на городских улицах. Впоследствии Силуран превратился в большое государство, врагов давно уже не видели под стенами столицы. Пещерный лабиринт мог бы превратиться в гнездо преступников и вечную головную боль городской стражи. Но этого не произошло, потому что в скалах поселился тихий, старый, любящий одиночество человек. И своим присутствием отпугнул разбойников, воров и убийц.

Когда-то у Отшельника Ста Пещер было имя – гордое, звучное, благородное. Оно и по сей день украшает страницы летописей, где рассказывается о провале мятежа против Лаограна, Первого Короля Великого Грайана. Тогда многие Сыновья Кланов были изгнаны в Силуран. В память об этом все Ветви силуранских Кланов называются Ветвями Изгнания. Возглавлял мятежников Гайгир Снежный Ручей из Клана Вепря. Он женился на дочери силуранского короля, принял корону тестя и стал родоначальником правящей династии.

Два с половиной столетья прошло с тех пор, как развеялась по ветру зола с погребального костра Гайгира. Ушли в Бездну и его соратники…

Все, кроме одного, рожденного триста два года назад.

Отшельник Ста Пещер. Самый старый человек Силурана. Один из самых сильных магов в мире.

Но даже Джилинер Холодный Блеск, ревниво следящий за каждым шагом любого маломальски способного чародея, в каждом видящий для себя угрозу и соперника, не обращает на Отшельника серьезного внимания. Так уж посмеялись над беднягой боги: от волшебной силы старика окружающим – никакой пользы, а самому ему – сплошное мучение.

Потому и живет старый чародей в пещере, вдали от людей, что унаследовал он от предков дар отличать правду от лжи. Очень полезный дар, кое-кто из магов успешно им пользуется во благо себе и людям. Но у Отшельника он развит до такой степени, что малейшая ложь причиняет несчастному лютые муки. От обычной вежливой фразы вроде «ты сегодня прекрасно выглядишь» у бедного старца начинается припадок.

Конечно, тут уйдешь от людей! Даже слуг, которые приходят прибирать жилье Отшельника и приносят пищу, старик не допускает на глаза, уходит во внутренние пещеры. А то еще брякнут верные рабы что-нибудь вроде «я счастлив служить моему господину»…

Потому и висит у входа в пещерное жилье колокольчик – чтобы предупреждать о приходе невольников, чтобы хозяин от своих слуг спрятаться успел.

А рядом с маленьким колокольчиком висит большой колокол – и время от времени гудит на весь Джангаш… ну, может, не на весь, но в королевском дворце его звук слышен. И бросают люди все дела, и бегут на звон колокола, и спешит туда же сам король с придворными, потому что все знают: наделен Отшельник и даром Второго Зрения. И пророчества его всегда сбываются…

А толку-то? Пророчества такие запутанные и двусмысленные, что лишь потом, когда происходят предсказанные события, люди чешут в затылках и говорят: «А-а!.. Так вот что имел в виду этот старый ду… то есть Истинный Маг!..»

Выкрикнет старик пророчество – и бегом назад, в пещеру. И ни одна живая душа не пойдет следом, не попросит разъяснить смысл прорицания. Потому что был у мага и третий

дар, особый, лишь ему присущий. Чуть рассердится на кого вспыльчивый старец, зайдется в нервном припадке, закричит: «Вон отсюда!» – и сразу исчезнет разгневавший чародея бедолага, растает в воздухе. И пусть благодарит богов, если очутится где-нибудь на окраине Джангаша. А то некоторые возвращались из Наррабана и других далеких стран… даже из Подгорного Мира… а кое-кто и вовсе не вернулся. Сам огорчается потом чародей, который нарочно и мухи не обидит, но поделать ничего нельзя.

Так и живет Отшельник – год за годом, век за веком…

* * *

Пламя высоких свечей дрожало от сквозняка. Возле опрокинутого на дубовый стол хрустального бокала краснела лужица вина. На ярком наррабанском ковре валялась книга, оброненная убегающим хозяином. Отшельник Ста Пещер отказался от человеческого общества, но не от простых радостей жизни. Вкусной едой и хорошим вином его аккуратно снабжал Клан Рыси, весьма гордый тем, что породил такого сильного чародея. А скопившиеся в пещере дорогие, красивые вещи были подарками королевской семьи и вельмож: двор старался на всякий случай не портить отношений с магом.

Сейчас сам Нуртор, углубившись в темный каменный переход, зычным басом уговаривал Отшельника выйти к гостям. Потомку Гайгира в пещере грозила меньшая опасность, чем остальным.

Двое принцев стояли плечом к плечу. Тореол был бледен, его била дрожь. Нуренаджи тяжело дышал, а когда попытался заговорить, это ему не сразу удалось, лишь громко лязгнули зубы.

– Этот гад… – вымолвил юный Вепрь со второй попытки. – Отшельника-то он зачем сюда приплел?

Гадом Нуренаджи назвал не короля. Тореол понял, о ком речь, и, на миг забыв о вражде с двоюродным братом, ответил с горечью:

– С себя ответственность спихивает. А что мы в опасности, ему и дела нет. Сам, кстати, в пещеру не пошел, отговорился чем-то…

– Осторожный! – глухо выдохнул Нуренаджи. – Такой волку в пасть руку не положит!..

– Волку? – хмыкнул Тореол. – Такому волк не позволит себе в пасть руку совать. Такой из волка кишки выдернет…

И умолк: в пещеру вернулся король. Рядом с ним шел очень высокий и очень худой старик с пергаментно-желтым лицом и глубоко запавшими глазами. Неопрятные седые волосы слипшимися прядями спадали ниже плеч: конечно, рабы время от времени приносили господину чистую одежду, но постричь колдуна – на такой подвиг они не были способны.

Маленькая группка придворных заволновалась: каждый пытался оказаться за спиной у другого.

Но самый несчастный вид был не у них, а у Отшельника, обводившего незваных гостей взглядом затравленного животного.

– Я клялся служить Гайгиру и его потомкам… но давайте побыстрее! – хрипло потребовал он.

Тщательно подбирая слова, Нуртор рассказал о покушении. Он старался ни на шаг не отступать от истины, но углы рта старика время от времени болезненно подергивались. Виной тому был не только рассказ короля: Отшельник улавливал фальшь в принужденно ровном дыхании придворных, в напускном спокойствии принцев. Все это причиняло ему физическую боль.

Закончив рассказ, Нуртор обернулся к племянникам:

– Теперь ваша очередь… Ну, что притихли? Или вам нечего сказать?

Принцы намертво сцепились взглядами – и забыли об Отшельнике. У этих юношей, таких разных, была общая фамильная черта: вслед за страхом в них поднималась волна гнева. Даже Тореол, уродившийся в отца-Орла и взращенный на книгах и ученых беседах, сейчас стиснул кулаки, набычился: в нем пробудилась кровь Первого Вепря.

– Молчишь? – грозно рявкнул он на двоюродного брата. – Признавайся: ты положил яд в королевский кубок?

– Нет!! – так же свирепо рявкнул в ответ Нуренаджи, сдерживаясь, чтобы не вцепиться своему врагу в горло.

Даже перетрусившие придворные почувствовали пелену ненависти, вставшую между принцами. Но это была честная, ясная ненависть, без тени притворства. И Отшельник, напрягшийся в ожидании боли, шумно, со свистом втянул сквозь зубы воздух и кивнул: да, все верно…

Нуренаджи почувствовал, что к нему возвращается жизнь. Он оправдан! И ликующе, словно бросаясь в атаку, молодой Вепрь заорал:

– Ну, что теперь скажешь? Двое нас там было! Двое! Ты и я! И ты, конечно, ни в чем не виноват? Ты к королевскому кубку не прикасался? И яд туда не бросал, да?

– Да, не прикасался! – возмущенно крикнул Тореол. – И яду туда не…

Его прервал пронзительный вопль, оборвавшийся на высокой ноте. Отшельник, смертельно побледневший, рвал завязки ворота, словно рубаха душила его. На серых губах старика пузырилась пена.

– Молчи!.. Зачем… Это же неправда, непра-а…

Тореол побелел, шагнул к Отшельнику:

– Что – неправда?! Да я же ни словечка лжи…

Отшельник заглушил его слова криком неподдельного страдания и, упав на ковер, забился в корчах. Сквозь стиснутые зубы вырывались стоны.

Придворные и король стояли, словно пораженные заклятием. В глазах Нуренаджи разгоралось злобное ликование Тореол, растерявшись, нагнулся над стариком, чтобы помочь ему встать.

– Не-е-ет! – провизжал тот с ужасом и отвращением. – Уйди, мучитель! Прочь от меня! Прочь!

Пламя свечей вытянулось длинными языками, дернулось в сторону, чуть не погасло. Что-то рвануло воздух, словно плотную материю, с треском и колыханием. Оцепеневшие люди не успели заметить, как Тореол исчез. Пропал. Был человек – и не стало его…

В этот миг никто не помнил, кто он – король, принц или придворный. Все почувствовали, что над ними навис массивный каменный свод, что от стен и пола сквозь ковер тянет промозглой сыростью и что вокруг – опасный, недобрый, непознаваемый мир.

Отшельник, сидя на полу, спрятал лицо в ладонях и тихо молился. Затем поднялся на ноги и спотыкающейся походкой вышел из пещеры. Гости поглядели вслед этому глубоко несчастному человеку и в угрюмом молчании двинулись по другому коридору к выходу.

Уже оказавшись под ясным утренним небом, Нуртор обернулся к племяннику и сказал:

– Я рад, что в этом замешан не ты.

* * *

День прошел в неприятных хлопотах. Тореол из Клана Орла, Ветвь Изгнания, был объявлен государственным преступником и заочно приговорен к смерти. Гонцы вылетали из ворот Джангаша, торопя злых коней. Десятки голубей взбивали крыльями воздух, неся в мешочках бумаги с приметами изменника. Мудрый Айдаг Белый Путь из Клана Акулы, Истинный Маг, мысленно передавал двум своим внукам, Хранителям портовых городов Деймира и Фанш-

мира, королевский приказ: закрыть порт, проверить все корабли, дабы злодей, покушавшийся на жизнь короля, не скрылся за море!

Придворные суетились вокруг государя, всем своим видом выражая готовность разделить с повелителем тяжкий груз его забот. Громче всех шумели те, кто еще недавно хотел видеть Тореола единственным наследником престола. Но и они, и их недавние противники в глубине души испытывали нечто вроде облегчения. Наконец хоть какая-то определенность!

Разумеется, Нуренаджи – грубая скотина, дрянная поделка под Нуртора. Дядюшкины недостатки увеличены в нем, как в кривом зеркале, а вот присущей королю отваги и решительности что-то маловато. Год назад столицу тихо обошла фраза, неосторожно брошенная заезжим знатным наррабанцем: «Если дядя – Вепрь, то племянник – свинья».

И все же теперь хоть известно, как легли костяшки при броске. И потом, кто сказал, что молодой Орел стал бы лучшим королем, чем Вепрь? Силурану нужна твердая рука, а Тореол – рохля… все б ему стихи да древние рукописи…

Государь гневен, но, глядишь, к вечерней трапезе успокоится. И все пойдет по-старому…

Так рассуждали вельможи – и очень ошибались. Хозяйка Зла не считала этот веселый денек завершившимся и собиралась получить удовольствие от каждого мгновения.

Вечернюю трапезу королю закончить не довелось, потому что в распахнутые окна ворвался высокий печальный голос колокола. Раз за разом бронзовый язык тревожил воздух над притихшим Джангашем.

Король чуть не опрокинул стол, спеша покинуть трапезную. Придворные устремились за государем сквозь дворцовый парк – это был самый короткий путь к Скале Ста Пещер.

Нуренаджи, пыхтя, спешил за дядей. Внезапно у его плеча раздался негромкий голос, такой ровный и спокойный, словно его обладатель сидел в уютном кресле у очага:

– Ай да Отшельник! То его по полгода не видно и не слышно, а то два раза на дню лицезреть удостаиваемся… Пророчеством нас решил осчастливить!

Видно, и впрямь положение Нуренаджи при дворе очень упрочилось, раз Незаметный, забыв старую неприязнь, дружески с ним заговорил!

Принц посопел в такт шагам и решил ответить мирно:

– Да все равно не поймем, что он там возглашает! Помнишь, семь лет назад – «…и низринется с высоты орел, и повергнет он вепря во прах…» Ну, подумали – воскреснет стародавняя распря меж Вепрями и Орлами… А через два дня на Галерее Всех Предков каменная статуя орла с крыши свалилась и папашу моего насмерть пришибла…

* * *

Разномастная толпа горожан почтительно расступалась давая дорогу королю и придворным. У подножия скалы собралось уже довольно много народу; но перешептывания разом смолкли и настала странная, запредельная тишина, когда тощая фигура у входа в пещеру повелительно вскинула руку.

И полетели над потрясенной толпой слова, отравленными стрелами вонзающиеся в души:

– Вижу мертвого короля, слышу плач по государю, обдает мне лицо жар погребального костра… Утешьтесь и возрадуйтесь: через три дня после гибели повелителя Безликие даруют вам нового! Встанет он пред очами всех богов; и крыло прародителя, Первого Мага, осенит его; и Секира Предка возблещет в руке его; и наречет его дракон другом своим, и потечет время вспять пред очами его. Радостным станет тот день для тебя, Силуран, – живи надеждой и жди…

Оборвав фразу, Отшельник угловато повернулся и скрылся в пещере.

Тишина, сотканная из сотен изумленных вдохов, была разорвана обиженным голосом Нуренаджи:

– Что он там нес про крыло прародителя? Где он видел вепря с крыльями? Сказал бы – клыки прародителя…

– Чтоб ты подавился теми клыками! – громогласно огневался Нуртор. – Чтоб они тебе в глотку вошли и через задницу вышли! Мне вот интереснее узнать, что он плел про мертвого короля! Чего он раньше времени в мой костер веточки подкладывает?! А вот клянусь Источником Силы, прямо сейчас и спрошу!

В несколько прыжков Нуртор очутился у входа в пещеру и скрылся в темном проеме. В первое мгновение никто не посмел последовать за ним, но затем верзилы из личной охраны короля решительно двинулись вперед. Не успели они сделать и десятка шагов, как Нуртор появился у входа и повелительным жестом приказал своим спутникам войти.

Картина, открывшаяся придворным в пещере, заставила их онеметь.

На ковре у ног короля лежал Отшельник. Запрокинутое лицо было искажено гримасой отчаяния – словно в последний свой миг старец узрел нечто немыслимое, неподвластное рассудку. Не ужас даже, а великое, непереносимое изумление заставило распахнуться и навсегда застыть его глаза.

Нуртор не был трусом, но не смог заставить себя склониться над Отшельником. Это сделал Незаметный – бесшумно проскользнул мимо короля, опустился на колени, коснулся жилки под сухой пергаментной кожей и, не вставая, печально кивнул.

– Пророчество убило его… – потрясение сказал король, но тут же взял себя в руки. – Пусть Клан Рыси позаботится о достойном костре для своего славного родича. Объявить по столице траур: от нас ушел последний соратник Гайгира Снежного Ручья. А предсказание… я с ним разберусь. И пусть мои враги не радуются раньше времени! Вепря не так-то просто уложить на еловую поленницу!

Круто повернувшись, он покинул пещеру. Придворные и принц ринулись за ним.

У трупа задержался лишь Незаметный. Он все еще стоял на коленях, лихорадочно соображая: надо ли говорить королю, что лежащий на ковре человек мертв по меньшей мере с полудня?

7

Конечно, это шутки Серой Старухи! Закружила, запутала, заморочила. А то с чего бы вдруг заблудиться в лесу, куда уже три года с мальчишками играть бегаешь?

Ах, как хочется домой! Сесть в трапезной у очага, на разостланные по полу камышовые циновки, и греться, греться до каждой продрогшей жилочки! И чтобы рядом приятели с разинутыми ртами слушали, как Миланни рассказывает сказку… славная Миланни, толстая, краснолицая, в руках у нее вязание, у пояса – полотняный мешочек с печеньем, чтоб угощать ребятишек. И чтоб сидела в сторонке на скамье кареглазая задавака Ирлеста, делая вид, что не сказку слушает, а так, шьет что-то… Очень взрослая вдруг стала, все прочие для нее теперь – малышня…

Нет, нельзя домой… Да и нет у него своего дома! И не было никогда! Всю жизнь по чужим углам. И Миланни эта, и красавица Арлина – все его жалеют, благодетели!

Ничего, когда-нибудь он вернется в крепость! Он будет ехать на гнедом коне с красным седлом и серебряной уздой, а звонкая слава будет обгонять его на несколько дней пути. Ворота распахнутся, все выбегут его встречать – и взрослые, и дети. Еще бы, сам Ильен из Рода Ульфер! А он подарит Арлине ожерелье из огромных изумрудов. А Миланни – расшитый золотом красный плащ. А задаваке Ирлесте – золотые браслеты с колокольчиками. А кузнецову сыну бросит под ноги кошель серебра: пусть все видят, что Ильен не держит зла за давние мальчишеские драки. А Ралиджу он подарит… подарит…

Но мальчик не успел придумать, что же он подарит Хранителю крепости Найлигрим. Потому что там, в мире яркой, красивой фантазии, постаревший Ралидж взглянул в лицо восседающему на гнедом коне Ильену и жестко, непрощающе сказал:

«Вор!»

И сразу разлетелась вдребезги, в пыль красочная мечта. Остался мокрый лес, и усталость, и холодный, насквозь пропитанный дождем плащ, и голод, и горькая обида.

«Но ведь это неправда! Я не вор! Я же… это мое! Это наследство от дедушки! Я внук, а он… он был всего-навсего дедушкин слуга!»

Рука мальчика легла на золоченую рукоять висящего на поясе кинжала, как будто кто-то хотел отнять спрятанное в полом эфесе сокровище. Но этот жест отрезвил Ильена. Ведь и кинжал с тайником в рукояти был год назад подарен мальчику Ралиджем!

Накатил жаркий стыд, запылали уши и щеки. Ралидж всегда был так добр… учил фехтовать, и не его вина, что Ильена меч плоховато слушается… Ралидж и чудовищ побеждал, и по дальним странам скитался, и в Подгорном Мире побывал. Настоящий герой, как в сказках!

Нет, что-то Ильен делает неправильно…

У ног мальчика разверзлось ущелье, по дну которого бежал поток мутной дождевой воды. Куда ж это Ильена занесло? А, понятно! Значит, надо на ту сторону и левее – там будет дорога к реке.

Учитель ждет у пристани, в таверне «Рыжая щука». Там уже чужая земля, силуранская…

Мальчик двинулся влево по краю пропасти, прикидывая, как бы перебраться через ущелье. Любой из его приятелей слез бы на дно, цепляясь за неровные камни, и выбрался бы с другой стороны. Но Ильен побаивался высоты.

Скорее бы увидеть учителя! Тогда душа перестанет разрываться пополам. Учитель может разъяснить все на свете, он самый умный! Стоит ему заговорить – и все окажется правильным, не бередящим совесть.

Ильен вспомнил первую встречу с учителем. Мальчишеское воображение было потрясено тем, что сделал этот высокий узколицый человек: он создал рукотворную молнию!

Какая прекрасная, заманчивая тайна скрыта была в стеклянном цилиндре, полном красно-желтых и серебристых металлических кружков! Слои металла были переложены толстым сукном и залиты прозрачной жидкостью. С каждого торца цилиндра наружу торчала проволока – вроде той, из которой плетут кольчуги. Деревянные щипцы в ловких руках учителя сблизили концы проволоки… раздался треск… и возникла дивная синяя искра, крошечная молния!

А можно ли сделать ее большой? Оказывается, можно. Но тогда и цилиндр должен быть огромным…

Ручная, домашняя молния, послушная воле человека… Но ведь такое под силу только магии?

Значит, не только ей… Учитель, улыбаясь, объяснил, что любой, кто глубоко и тонко знает законы природы, может управлять ими не хуже Истинного Мага. Беда в том, что никто не знает эти законы достаточно хорошо.

Ильен понял, что погиб. Ничего ему больше в жизни не надо – только узнавать изо дня в день больше и больше об этих загадочных законах, служить познанию всей душой, всей судьбой… Все это он горячо и сбивчиво выложил учителю – и был вознагражден серьезным теплым взглядом:

«Мальчик мой, как же ты похож на меня… на того, кем я был когда-то…»

Теперь Ильен знает, как устроен удивительный цилиндр. Может даже сам изготовить кислоту, которая его заполняет. Но тайна все же осталась тайной. Медь, цинк, кислота, а из всего этого – молния… почему?..

Задумавшись, Ильен чуть не проглядел дерево, рухнувшее поперек ущелья. Вывороченные корни вздымались у самого края, крона с обтрепанной листвой лежала среди валунов на той стороне.

Мост! Если бы еще Ильен не боялся высоты…

И все-таки нужно поскорее встретиться с учителем. Он объяснит, докажет, что Ильен не виноват, что он взял свое… вернее, дедушкино, а это никакая не кража!

Страх высоты отступил перед муками совести. Ильен подтянулся на руках, перелез через толстый корень, оказался на могучем стволе. Взглянул вниз – и до боли стиснул зубы.

Многие из его знакомых ребят просто перебежали бы над пропастью по дереву. Возможно, и сам Ильен рискнул бы перейти, если бы на него смотрела кареглазая Ирлеста. Но сейчас он был один, красоваться было незачем. Мальчик просто лег на живот и пополз, пачкая одежду о грязную кору.

Он был на середине пути, когда сквозь шум воды внизу заслышал тупое цоканье железа о камень. По ущелью ехал всадник!

Ильен испуганной ящеркой вытянулся вдоль ствола, прижался к нему, застыл.

Серая статная лошадь осторожно ступала по скользким валунам, порой входя в воду по бабки. Она недовольно фыркала, всхрапывала, лица всадника было не разглядеть из-за наброшенного на голову капюшона, но Ильен узнал бы этого человека в любой одежде и с любого расстояния.

Рядом с лошадью Хранителя тяжело шагал прямо по воде светлоголовый плечистый десятник Сайвасти. Вот среди теснящихся валунов он чуть отстал, пропуская серую вперед…

У Ильена и сомнения не возникло в том, что эти двое разыскивают именно его. Но не успел мальчик порадоваться, что преследователи его не замечают, как события начали развиваться стремительно, странно и страшно.

Отставший на два шага от Хранителя Сайвасти внезапно рванул из ножен меч. Движение было таким хищным, что Ильен, глядящий сверху, сразу понял: это всерьез! Надо было крикнуть, предупредить Ралиджа, но воздух с тихим шипением скользнул из парализованного

ужасом горла мальчишки, а подлый меч, описав дугу, поднялся над беззащитной спиной Хранителя…

И обрушился бы, не случись нечто непонятное: пола мокрого плаща Ралиджа вскинулась, словно от сильного порыва ветра, и хлестнула Сайвасти по глазам. Рука убийцы дрогнула, а Хранитель от рывка обернулся, молниеносно все понял и соскользнул с лошади на землю. Удар меча пришелся по луке опустевшего седла, испуганная кобыла отбежала в сторону, а перед изменником-десятником встал Ралидж с клинком наготове.

– Сайвасти! – изумленно и гневно воскликнул Хранитель. – Рехнулся ты, что ли?

Вместо ответа десятник рванулся в атаку. Мощный и стремительный удар ушел в пустоту: Ралидж был одним из лучших фехтовальщиков Грайана. Он ускользнул от Сайвасти, как тень от солнечного луча. При этом пряжка плаща расстегнулась, бурая ткань соскользнула с плеч в ручей – словно нарочно, чтобы не сковывать движения хозяина.

Над ручьем, на валунах вспыхнул бой. Вжавшийся в мокрый ствол мальчишка от страха не мог шевельнуться. Он лишь глядел, как Ралидж вьется вокруг своего могучего противника. Насколько было видно Ильену, Хранитель по меньшей мере трижды задел врага, но обезумевший десятник, не обращая внимания на раны, кабаном кидался на Ралиджа.

Но вот Сайминга наискось упала на клинок предателя, срубила его, словно ветку. Ильен от напряжения дернулся, чуть не сорвавшись в пропасть.

Сайвасти негромко зарычал, отшвырнул бесполезный эфес с обломком клинка и подхватил из ручья гигантский валун. Жуткая глыба взмыла над головой десятника и рухнула на Хранителя… нет, это только показалось Ильену. Ралидж ухитрился вывернуться из-под темной громадины и, оказавшись лицом к лицу с противником, всадил меч ему в грудь.

Ильен вцепился зубами в рукав, зажмурил глаза. За годы, прожитые в разбойничьей шайке, мальчик не раз видел смерть, но не мог привыкнуть к ее виду, И наверное, никогда не сможет…

Внизу цокали по камням подковы. Хранитель уговаривал испуганную серую:

– Да стой ты, дура с копытами… Во-от, молодчина! Что ж это с Сайвасти случилось? Хороший был десятник… Не знаешь? Вот и я не знаю. Надо прислать парней, пусть они его в крепость отнесут. Хоть и гад был, а погребальный костер ему полагается. Люди мы с тобой, серая, или не люди?.. Да тпру, идиотка, дай плащ поднять… спасибо, Заплатка, спас ты меня.

Цоканье удалилось вверх по ручью. Ильен, обмирая от ужаса, полежал еще немного, затем тоскливо взглянул вниз, на неловко лежащую, словно скомканную фигуру с развороченной грудью. Судорожно вздохнул, перехватил поудобнее ветку, чтобы ползти дальше по стволу. И тут…

Фигура внизу зашевелилась, откинутая в сторону рука заскребла пальцами по валуну. Страшная рана затягивалась на глазах. Вот чудовищный незнакомец встал на колени… вот, шатаясь, поднялся на ноги… Что-то изменилось в его лице, теперь он уже не походил на Сайвасти. И ясно было: это не человек!

Жуткое существо тяжелым взглядом обвело овраг. Мальчик взмолился богам, чтобы тварь не надумала пристально вглядеться вверх. Но внимание опасного незнакомца, наоборот, привлекло что-то внизу. Он нагнулся, сунул лапищу в мутную воду и распрямился, разглядывая что-то небольшое, золотисто поблескивающее.

Не может быть… Ведь это же…

Высвободив левую руку, Ильен лихорадочно ощупал свой пояс.

О Безымянные, как же так… за что же так…

Там, внизу, двуногое чудовище внимательно разглядывало свою находку – небольшой кинжал с золоченой рукояткой. Затем незнакомец неторопливо прицепил кинжал к своему поясу (Ильен чуть не закричал: «Отдай!») и двинулся влево по дну ущелья.

Ильен сам не заметил, как вскочил на ноги и пересек ущелье по стволу. В другое время это было бы великим достижение для трусоватого мальчишки, но сейчас мысли были заняты одним: не упустить чудовище, уносящее драгоценный кинжал. Как же Ильен умудрился обронить его в ручей?.. Ладно, неважно! Вперед!

Перепрыгивая коряги, огибая кусты, скользя по грязи, опавшим мокрым листьям и влажным подушкам мха, мальчик несся по краю ущелья, думая лишь о том, как бы не потерять из вида мелькавшую внизу спину в кожаной куртке. Жуткий незнакомец шел в ту же сторону, куда собирался идти Ильен, но это было не очень важно. Мальчик пошел бы за ним даже в болото к Хозяйке Зла. Главное – вернуть кинжал. Все равно Ильен не смог бы показаться на глаза учителю без драгоценного пергамента, спрятанного в полой рукоятке.

8

У Арлины выдался хлопотный, беспокойный день. И не в том дело, что начался он с драки ее драгоценных отпрысков: драка – дело привычное. Куда хуже было то, что любимая дочурка решила повторить вчерашний подвиг и улизнула от няни. На этот раз для побега она избрала не черный ход, а винтовую лестницу. Пока служанка Иголочка и пожилая няня-нарра-банка, сходя с ума от ужаса, искали маленькую негодяйку на кухне, та пробралась в трапезную и протиснулась сквозь остывшие прутья решетки в очаг, где, хвала Безымянным, уже почти погасли угли. Девочка всего лишь перемазалась, но ведь могла бы обжечься!

Праведный гнев госпожи уже готов был обрушиться на раззяв-рабынь, но тут грянула новая беда: исчез маленький Раларни. Причем исчез из запертой комнаты, куда его водворили, пока разыскивали сестренку.

Дубовая дверь, маленькие высокие оконца… ни под столом, ни под скамьей ребенка нет… Рабыни заголосили было о злых духах, но Арлина метнулась к стоявшему в углу распахнутому сундуку. Вещи, которые она собиралась перебрать, починить и проветрить, выглядели так же мирно, как и утром, но Арлина вцепилась в тряпки с энергией разбойника, грабящего торговый обоз. Плащи, юбки, платья, переложенные от моли сухой пижмой, взметнулись в воздух и разлетелись по комнате. На дне сундука был обнаружен шалун, лукаво сверкающий глазами: его проказа удалась!

От невероятного облегчения, смешанного с яростью, Арлина крепко отшлепала своего ненаглядного по круглой тугой попке. Оскорбленный Сын Клана басовито, протяжно заревел. Его во весь голос поддержала сестра – забытая всеми, несчастная, чумазая, с золой в волосах…

Арлина сгребла своих драгоценных в охапку и расцеловала, сведя на нет всю воспитательную пользу от трепки.

– Ладно, маленькие мои, ладно… все уже, все, мама не сердится! А вот мы сейчас умоемся… Что встали, дурищи бестолковые? А ну, живо вымыть детей! Я с вами еще поговорю!

Рабыни подхватили малышей на руки и исчезли, радуясь, что легко отделались: госпожа была вспыльчива, но отходчива.

Арлина, успокаиваясь, прошлась по комнате, заметила учиненный беспорядок, распахнула дверь и кликнула прислугу. На зов примчалась шустрая служаночка по прозвищу Перепелка и начала складывать вещи в сундук. Работать молча рабыня не умела (она болтала даже во сне, что могла бы подтвердить чуть ли не половина гарнизона крепости). И сейчас, встряхивая и сворачивая одежду, бойкая девица загадочным голосом сообщала госпоже новости, странные и непонятные.

Оказывается, Хранитель отправился по дождю искать пропавшего мальчишку Ильена. Вернулся без мальчишки, мокрый, в перепачканной одежде, столкнулся у ворот с десятником Сайвасти и вцепился в него, как болотная лихорадка в рудокопа: где, мол, сейчас был да что делал? Сайвасти ответил: лучников, дескать, с утра на плацу тренировал, теперь часовых проверяю. Хранитель прямо побелел и говорит: по лесу, мол, шляются какие-то оборотни, как бы с Ильеном беды не вышло. Пусть, мол, ему дадут арбалет и колчан да поднимут конный десяток… И снова ускакал, даже не переоделся, а с ним – десяток Аранши…

Рассказ рабыни встревожил супругу Хранителя. То, что в столице прозвучало бы чушью и бредом (оборотни какие-то!), здесь, в глухомани, полной Подгорных Тварей, наводило на неприятные мысли.

Госпожа вышла на винтовую лестницу и услышала внизу голоса: там болтали, усевшись рядышком на скамье, супруги трех сотников. Собственно, говорила одна – Аунава Гибкая Ива, а Миланни и Айлеста лишь недоверчиво попискивали в ответ на ядовитые речи приятельницы.

Вслушавшись, Арлина поняла, что новости она узнала позже других. Аунава разглагольствовала насчет внезапного отъезда господина: мол, про оборотней – это детская сказка, а на самом деле Сокол с Араншей крутит шуры-муры, своя жена надоела. Для того все и затеяно, чтоб людям глаза отвести и с долговязой наемницей из крепости уехать. Вот увидите, мол, раньше утра не вернутся…

Арлина ураганом слетела с лестницы и объяснила гадюке, что она гадюка. Хорошо объяснила, выразительно, громко. Та сидела закаменев, пошевелиться боялась: как бы госпожа ей в волосы не вцепилась! А подружки ее тихо так, робко к стене отодвинулись и, похоже, готовы были под стол заползти…

– Ты моли богов за их милость, – закончила госпожа, – что тебя я услышала, а не дарнигар. Почтенный Харнат в гневе может позабыть, что перед ним женщина. Знаешь ведь, какой у него кулак: дубовую столешницу расколет!

В этот миг хлопнула дверь. Арлина тут же оборвала гневную речь, а сотничихи быстро подобрали с пола оброненное рукоделие. Незачем показывать свои ссоры слугам.

Но это оказался один из наемников, принесший госпоже новость: в крепость пришел Подгорный Охотник!

Сотничихи оживились, повеселели. Еще бы! Диковинные товары! Не менее диковинные истории о загадочном Подгорном Мире! Ни обоз торговцев, ни бродячий цирк не смогли бы так всколыхнуть размеренную жизнь крепости.

Арлина, мстительно взглянув на Аунаву, заявила, что примет гостя у себя в комнате, пусть туда подадут вино и закуски. И пусть Охотник прихватит свои товары, покажет…

У сотничих вытянулись физиономии, но Арлина была непреклонна. Ничего, ничего, пусть помучаются. Пусть чувствуют, что наказаны – одна за то, что гадости болтала, остальные за то, что слушали. Пусть знают, как сердить супругу Хранителя крепости!

* * *

Что-то знакомое было в этом худощавом рыжеватом парне, развязном и нахальном, как и все Подгорные Охотники. Он небрежно сбросил на пол свою котомку (стоявшая рядом Иголочка боязливо попятилась: кто знает, что скрывает этот потрепанный дорожный мешок!) и раскланялся перед Арлиной – дерзко, но не без грации.

– Счастлив приветствовать прекрасную Дочь Клана Сокола…

– Дочь Клана Волка, – с улыбкой перебила его Арлина и провела кончиками пальцев по броши у себя на груди: серебряная волчица свернулась в кольцо.

– Но я… я подумал… ясная госпожа вышла за Сокола… – растерялся долговязый парень. В этот момент Арлина узнала его, только имя не смогла вспомнить.

– Ты нечасто встречался с Детьми Клана, – любезно объяснила она. – Клан нельзя поменять, как нельзя поменять кровь в жилах. Я родилась Волчицей и умру Волчицей, в какой бы Клан я ни вошла после свадьбы. А дети мои – Соколы… А ты ведь три года назад приходил в нашу крепость… ты был напарником Эрвара Двойного Удара, верно?

– Счастлив, что светлая госпожа меня запомнила. – Смущение исчезло из золотистых веселых глаз. – Керумик Сломанная Подкова из Семейства Киптар…

Да, немудрено, что Арлина его не узнала. Три года назад это был робкий парнишка лет восемнадцати, тощий, заморенный (где только Эрвар его подобрал?). Помнится, он так сконфузился, оказавшись пред очами высокородных господ, что даже имя свое связно произнести не сумел… А теперь каждая веснушка на его длинном лице излучает самодовольство. Да, ничего не скажешь, меняет людей Подгорный Мир! Но если даже король прощает Охотникам их болтливый независимый язык, то и Арлине гневаться не пристало.

– Присаживайся к столу, – милостиво сказала она. – Иголочка, налей гостю вина.

Под насмешливым взглядом Керумика рабыня чуть не расплескала вино. Она волновалась так, словно на скамье у дубового стола сидело какое-то неизвестное людям чудовище.

Внезапно Волчицу тонкой иглой пронзила мысль: а может, так оно и есть? Ведь рассказывал Эрвар, что Подгорный Мир понемногу изменяет душу человека, а иногда и внешность… и каждый Охотник рано или поздно покидает Мир Людей, поняв, что они для него чужие и сам он им чужой…

Арлина тревожно нахмурилась:

– А Эрвар? Где он сейчас, что с ним?

Золотистые глаза Охотника потемнели, большой рот перестал улыбаться.

– Не знаю, госпожа. Я больше года хожу за Врата один.

– Эрвар погиб?

– Возможно. Надеюсь, что да.

– Надеешься?.. – споткнулась Арлина на слове. Взглянула в лицо Керумику – взгляд ударился о взгляд – и поняла, что лучше ни о чем не расспрашивать.

Парень стряхнул серьезность и стал развязывать котомку.

– В первую встречу госпожа интересовалась лекарственными растениями…

– Ты это помнишь? Да, я хорошая травница.

– Тогда, может, Дочь Клана слышала о ромашке кусачей?

– Знаю, от прострела. Ее к больной спине прикладывают, она вцепляется в кожу… Полезная травка.

– У меня есть три корешка, по две серебряные монеты каждый. Ромашку можно в горшочках выращивать. Только на грядках сажать не советую: разбежится и полкрепости перекусает.

– Возьму все три корня! – загорелась Арлина. Она вдруг почувствовала, что ей легко и весело говорить с этим парнем – словно с приятелем детских игр. – А «соломенная змейка» есть? Ну, плетенка, которую вымачивают в соке цветов подлунников?

– Не сезон! – огорчился Керумик. – Подлунники сейчас раздражительные, злые, соком плюются… норовят, дрянь такая, в глаза попасть. А пускай госпожа вот на это взглянет!

– Ой, какое чудо! – Арлина бережно взяла в ладони полупрозрачный камень размером с яйцо, источающий нежный оранжевый свет. – Что это?

– Говорят, застывшая драконья слеза… но не могу себе представить, чтобы эти твари плакали. Если такую вещицу подержать на солнышке, она потом всю ночь светиться будет… и запах, запах… – Керумик закатил глаза и смешно наморщил нос.

– Я беру… – очарованно сказала Арлина – и сразу опомнилась: – Но это, должно быть, очень дорого.

– Дорого – для короля с королевой. А для прекрасной Волчицы – бесплатно, если она окажет мне честь и примет подарок.

– С чего вдруг такая щедрость?

– Во-первых, я гость в крепости… а может, попрошу у Хранителя позволения здесь перезимовать. Во-вторых, это знак моего восхищения. Эрвар рассказывал, как госпожа ходила в Подгорный Мир.

– Да, – севшим голосом шепнула Арлина. – Это было… это было незабываемо!

Керумик, по-птичьи склонив голову набок, бросил на собеседницу цепкий взгляд:

– Эрвар говорил – вы все там чуть не погибли!

– Ну и что? Все равно там… ну, словами этого не описать… это было как цель долгого пути, как сбывшаяся мечта…

И вновь на нее глянули внимательные золотистые глаза, словно проверяя ее искренность. Ведь ужасами Подгорного Мира матери пугают детей!

Арлина согнала с лица мечтательную улыбку, как сгоняют присевшую на цветок бабочку.

– Ладно, Охотник, показывай, что у тебя есть еще. В прошлый раз ты приносил меха… зеленые шкурки…

– А, помню! Изумрудный долгопят! Увы, на него тоже не сезон. Он сейчас гнезда вьет.

– Но это же не птица?

– Ясное дело, не птица. Зверек такой хищный. За палец цапнет – лучше сразу руку отрубить, чтоб в живых остаться. А шкурки сейчас плохи, потому что он свою шерсть выщипывает.

– Гнездо устилает?

– Нет, просто скучно ему по полгода на яйцах сидеть, вот с досады шерсть на себе и рвет.

– И где ж я слышала такое присловье – «врет, как Подгорный Охотник»? – задумчиво протянула Арлина.

Керумик тут же наклонился к своей котомке:

– А вот у меня фляжка с «облачной кровью»…

– «Облачная кровь»? Это что, дождевая вода?

– Не знаю, может, и вода… а только если седой человек этой водой голову помоет, седина исчезнет.

– Хочешь сказать, бедняга облысеет?

– Госпожа изволит шутить… ей-то седина еще не один десяток лет грозить не будет.

– Не знаю, не знаю… с моими-то деточками не то что голова – меховая шапка поседеет.

– А вот еще… достойно высокого внимания… – Керумик извлек из мешка крупный, неровной формы булыжник, грязно-серый, с темными пятнами.

– Это что за каменюка?

– Это живое существо, госпожа, крапчатый тупоумник. Только сейчас в спячке. Бери-бери, незаменимое домашнее животное, им можно орехи колоть и гвозди забивать… Или вот: редчайшая, ценнейшая вещь… но это дорого! – В руках Охотника оказался замшелый каменный обруч с пятнами плесени. – Это корона Жабьего Короля. Если долго носить ее на голове, рано или поздно начинаешь понимать язык зверей и птиц.

– Чтоб я эту мерзость на голову надела!.. Да и не о чем мне со зверьем болтать. Если с каждой курицей беседовать, так и курятина в рот не полезет… А это что такое? Вон, из мешка краешком выглядывает… вроде обломка старой коряги…

– У госпожи верный глаз! Это вещь не просто редкая, а редчайшая! – Керумик выхватил из мешка обломок коряги. – В одном из слоев Подгорного Мира произрастает Дуб Мудрости. Растет сто лет, потом приносит желудь, роняет его в землю и быстро погибает. Желудь лежит в земле еще сто лет, только потом прорастает. Перед тобой, госпожа, ветка с этого дуба. Она цитирует философов древности, дает умные советы на все случаи жизни и считает до десяти. Не всегда, а только когда хочет. Сейчас, как видишь, не хочет.

– Ну уж это, Керумик, наверняка вранье!

– Да?! – изумился Охотник и недоверчиво взглянул на деревяшку у себя в руках. – Думаешь, госпожа, что это… это неправда? Думаешь, он мне все наврал, этот сучок трухлявый?!

С отвращением швырнув деревяшку назад в котомку, он выхватил оттуда обломок плоской каменной плитки, отполированной до зеркального блеска.

– Древнее загадочное зеркало! Из заброшенного храма… или то было жилище великана? Сам не знаю… но этой вещи цены нет!

– И я считаю, что цены ей нет. Ни медяка не дам.

Но любая женщина при виде зеркала не удержится и хоть краем глаза взглянет на свое отражение. Небрежно протянув руку, Арлина взяла холодную, как лед, плитку. Она была почти черной, от этого лицо в темной глубине казалось чужим. Огромные глаза глядели строго и властно, словно женщина из толщи камня хотела провозгласить какой-то запрет, но заранее знала, что Арлина этот запрет нарушит.

Волчице вдруг остро, отчаянно захотелось оставить странное зеркало у себя.

– А интересно, – сказала она небрежно, – если вещице нет цены, то сколько она стоит?

Керумик встрепенулся, вскинув голову – и начался торг. Арлина вела его лениво и снисходительно, Керумик – почтительно и учтиво, но стоящая у стены Иголочка неприметно усмехалась, понимая, что торг идет яростный, жесткий… Сошлись на золотой монете.

Повеселевший Керумик продолжал потрошить свой мешок:

– Есть еще камешек… пусть Волчица полюбуется: хоть в браслет, хоть в диадему, хоть в ожерелье!

– Ой, правда, какая прелесть! Только не пойму: он синий или зеленый?

– Смотря как свет падает. Называется – Голосистый Камень. Начинает голосить, когда к его владельцу приближается человек, что собирается просить денег в долг.

– Ой, ну тебя в болото под кочку с твоими выдумками! Но камень и в самом деле красивый. Жаль, я уже потратилась… А еще чем удивишь?

– Есть коготь дракона, но он к седлу приторочен – слишком длинный для котомки. А еще – вот!

Охотник взмахнул рукой. Арлина, забыв о достоинстве Дочери Клана, взвизгнула от восторга, а Иголочка захлопала в ладоши, потому что в воздухе заплясал вихрь развевающихся разноцветных полос. Цветные змеиные кожи, мечта модниц! Какие из них получаются витые пояса! Тут уж и раздумывать было нечего: покупать!

Но Керумик не был бы Подгорным Охотником, если бы не добавил многозначительно и таинственно:

– Товар не простой: на нем заклятье! Не всякой женщине можно красоваться в такой обновке. Наденет поясок клеветница или просто сплетница – у нее язычок узлом завяжется…

– Беру, беру! – развеселилась Арлина. – Аунаве подарю!

Керумик многословно и хвастливо принялся рассказывать, как добывал шкурки. Оказывается, убивать змею нельзя: надо, чтоб она сама кожу сбросила, иначе прочности настоящей не будет. А сбрасывает кожу змея, когда очень разозлится. Вот он их и злил…

Иголочка ахала, а Волчица глядела на гостя и удивлялась: как же он изменился! Свободные, уверенные жесты, веселый твердый взгляд, яркая, как у всех Подгорных Охотников, одежда: оранжевая рубаха, пояс из змеиной кожи (кстати, у него-то от вранья язык узлом не завязывается!). И весь увешан золотыми побрякушками: все свое состояние на себе носит! Ралидж рассказывал: ни один вор не посмеет протянуть руку к добыче Подгорного Охотника. И разбойник его обойдет стороной – чар побоится…

Внезапно Волчица заметила странную вещь – на правом предплечье у Охотника, как у них принято, литой золотой браслет, а на левом – серебряный, тонкий, с одним-единственным невзрачным камешком.

– Что, Охотник, на золото не заработал – серебришком перебиваешься? – поддразнила она.

Керумик не смутился. Правой рукой легко отогнул концы браслета, снял его.

– Это, светлая госпожа, не украшение, а товар. Вот здесь, в середине… думаешь, это камень? Изволь-ка пальчиком потрогать…

Арлина отдернула руку, почувствовав под пальцем что-то тугое, плотное.

– Вот то-то и оно, госпожа. Мне объясняли, да я не понял: мол, оно и живое – и неживое. Эту штуку добыли еще в Огненные Времена, она много хозяев сменила.

– А в чем ее сила?

– Будущее предсказывает. Только не по желанию владельца, а…

– Ясно! – возликовала Волчица. – Когда сама захочет, как та коряга!

– Верно, – кивнул Керумик с неожиданной серьезностью. – Зато предсказания всегда сбываются. Будущее она провидит близкое, на годы вперед не замахивается, но уж что покажет – тут ничего не изменишь, как ни бейся. Я знаю, я пробовал изменить.

– А тебе этот браслетик часто судьбу пророчил?

– Всего один раз.

– И… о чем же?

– Не хочу рассказывать… это насчет одной женщины. Я пробовал изменить будущее, да не вышло. Продал бы я браслет, да за мелочь отдавать обидно. А за хорошие деньги… ну, не верят мне люди почему-то, не верят! Я браслет два года ношу, а он мне лишь раз напророчил. Как же я покупателям с ходу объясню, какое сокровище идет к ним в руки?

– Ну-ка, покажи браслетик. А ничего… простенький, но изящный. Примерить можно?

– Конечно, госпожа.

Гибкие серебряные концы браслета спиралью обвили тонкую загорелую ручку. Волчица повертела украшение и равнодушно поинтересовалась:

– Ну и сколько эта безделушка стоит?

– Десять золотых, – твердо сказал Керумик.

– Что-о?! – возмутилась госпожа и начала снимать браслет. И тут накатила дурнота, перед глазами все почернело, мир вокруг исчез…

* * *

Бешено бьется сердце, болят грудь и горло, как после отчаянного, нерасчетливого бега. Сзади за локти крепко держат чьи-то грубые лапищи. Арлина бьется в этих лапах, как плотвичка в сети, но не может даже увидеть, кто в нее так вцепился.

Увидеть удается лишь то, что прямо перед ней: просторный темный зал… наверное, трапезная: длинный стол и скамьи отодвинуты к стене… кажется, сверху, как знамена, свисают пыльные полотнища паутины, но все спрятано в глухом недобром полумраке. Лишь посреди зала пылают два факела в высоких железных подставках. В их злобном красном свете мрачно горбится какое-то сооружение, покрытое черным сукном.

Вдоль стен молча стоят… люди? Нет, непонятные существа: на человеческих плечах – уродливые головы: птичьи, звериные… нет, не разглядеть, да и присматриваться жутко. Оборотни? Демоны? Древние боги? Сердце вот-вот разорвет грудь…

Раздался повелительный голос. Не разобрать ни слова, но нелюди поняли, задвигались. Из полутьмы трое вытащили человека. Несчастный скручен даже не веревками – цепями, но ухитряется сопротивляться… какая сила! Какая потрясающая силища! По приказу повелительного голоса еще двое нелюдей набрасываются на пленника, с трудом ставят его на колени перед возвышением. Теперь видно лицо с завязанным ртом.

И кошмар достигает высшей точки: Арлина узнает человека.

– Ра-алидж!!!

Никто не оборачивается на крик женщины.

Рядом с возвышением появляется из тьмы высоченный урод с большой кошачьей головой. В руках у него топор. Арлина что-то кричит, но сквозь свой крик различает слова повелительного голоса: «…и так будет со всяким, кто посмеет…»

Топор взлетает по широкой дуге…

Арлина исступленно визжит – и чувствует, как этот визг будит в ней скрытую, неподвластную ей самой силу. Визг, становясь все тоньше и тоньше, уходит под потолок. Стоящий позади негодяй выпускает локти женщины, но Волчица даже не оглядывается на своего мучителя. Чародейка знает, что наверху, в темноте, каменный свод дробится от пронзительного звука… но поздно, поздно!

Топор с хряском опускается, и за мгновение до того, как карающие каменные обломки начинают рушиться на нелюдей, отрубленная голова Сокола падает на пол и катится к ногам Арлины…

* * *

Темнота понемногу развеивается… Ну конечно, это сон, сейчас она проснется… только почему под лопатками не перина, а что-то жесткое?

Издали наплывают голоса:

– Воды, скорее! Да отойдите, ей воздуха не хватает!..

– Может, на постель перенести?

– Ты что ей подсунул, дурень рыжий? Почему она так кричала?

Холодная вода брызнула в лицо, тяжелыми каплями скатилась по шее и волосам… Нет, это не сон. Арлина почему-то лежала на полу, вокруг толпились встревоженные служанки.

– Я хочу встать! – недовольно сказала Волчица.

Тут же несколько рук протянулось, чтобы ей помочь. Госпожу подняли, осторожно усадили на скамью, распахнули узкое окно.

Окончательно придя в себя, Волчица велела прислуге удалиться. Из служанок в комнате осталась лишь Иголочка, которая не доверяла долговязому рыжему обормоту и боялась, как бы тот не подсунул госпоже еще какую-нибудь мерзость из Подгорного Мира. Поэтому рабыня сделала вид, что приказ к ней не относится.

Взволнованная Арлина, не обратив внимания на Иголочку, набросилась на Керумика:

– Что это было? Что твой дурацкий браслет вытворяет?

– Не знаю, что увидела госпожа… судя по крику, мало приятного. Но это – будущее… и близкое!

– Что значит – «будущее»?! – в голос закричала Арлина. – Да как же такое может быть?!

Керумик тоскливо глядел в пол.

Арлина заметила, что браслет все еще у нее на руке, сорвала его, швырнула на стол.

– Ну, вот что… Я не позволю всяким грошовым побрякушкам издеваться надо мной! Если Ралиджу угрожает беда… да я же каждый его шаг, каждый вздох…

– Ничего не поделаешь, госпожа… – глухо уронил Охотник. – Судьба!

– Судьба?! Да я и судьбе хвост накручу!.. Да я…

– Господин возвращается… – негромко сказала Иголочка, глядя в окно.

Арлина, не закончив фразу, выбежала из комнаты.

* * *

Небольшой отряд подъехал к Северным воротам. Издали Арлина увидела серую кобылу без всадника.

Госпожа пошатнулась, вскинула руки к груди.

Спрыгнувшая с коня Аранша собралась было доложить дарнигару о происшедших событиях, но заметила бледное лицо супруги Хранителя и поспешила ее успокоить:

– Пусть моя госпожа не волнуется. Сокол жив и здоров, просто на время оставил крепость.

И наемница рассказала дарнигару и Волчице, что отряд в поисках Ильена дошел до силуранского городка под названием Шаугос, Последняя Пристань. В трактире «Рыжая щука» узнали, что мальчишка в обществе какого-то человека лет тридцати только что отплыл вниз по Тагизарне на корабле под названием «Летящий». Перед отплытием эти двое сидели в трактире. Мальчишка хвастался хозяину «Рыжей щуки»: мол, нашел себе учителя, хочет с ним по свету побродить, на мир посмотреть…

– Тут-то еще ничего страшного… – бормотнул дарнигар.

– Но он мог предупредить нас! – возмутилась Арлина. – Мог познакомить с этим учителем! Мы же о нем ничего не знаем.

– Боюсь, что знаем, госпожа, – озабоченно возразила наемница. – Трактирщик вспомнил, что Ильен назвал этого учителя по имени. Хорошо бы он ошибся…

– Да говори же! – не выдержала Волчица.

– Айрунги! – не произнесла, а выплюнула женщина-десятник.

И показалось всем, кто услышал это имя, что стоят они на крепостной стене, а внизу, в волнах тумана, застыли Подгорные Людоеды – серые, длинные, с маленькими головами и непомерно длинными руками. И среди мерзкого молчаливого войска – чародей с угрожающе воздетым посохом.

– Айрунги? – недоверчиво переспросил дарнигар. – Журавлиный Крик? Колдун?

– Да какой он колдун? – с отвращением фыркнула Арлина. – Мы с ним потом в Наррабане встречались. Проходимец он! А волшебный посох где-то уворовал!

– Нет, – засомневался Харнат, – тот старик был, седой… а тут – лет тридцать…

– От нас с Хранителем улепетывал как молоденький, – припомнила Аранша. – Старым мог и притворяться… Так я про Хранителя: услышал он все это, заволновался и сказал, что отправится вдогонку. У пристани как раз грузилась «Шустрая красотка». Места на палубе почти не оставалось, поэтому Сокол взял с собой лишь одного наемника, остальным велел вернуться в крепость и сказать, что Найлигрим остается на попечении Правой и Левой Руки.

Дарнигар поморщился: он не любил ответственности.

– Кто остался с господином? – спросил он ворчливо, словно Аранша была в чем-то виновата.

– Айфер Белый Лес.

Дарнигар сразу вспомнил добродушного верзилу, известного своей неимоверной силой.

– Ну, с ним Сокол не пропадет… – начал было он – и тут же сообразил, что слова уходят в пустоту. Госпожи, для которой они предназначались, рядом не было.

Растерянный Харнат зашагал к шаутею. Аранша поспешила следом.

Еще в трапезной они услышали наверху шум: плакали служанки, причитала Иголочка. Дарнигар переглянулся с женой, предчувствуя недоброе.

И предчувствия его полностью оправдались. По винтовой лестнице спускалась Дочь Клана. Когда же она успела переодеться? Мужская куртка, заправленные в сапоги темные штаны… ох, это же дорожная одежда! И кожаная сумка на плече!

– Следи, чтобы малышей вовремя укладывали спать, – строго говорила Арлина суетящейся рядом Иголочке. – И молочко чтобы подогретое…

– Госпожа, да разве можно…

– Не давай им меда, а то прошлый раз у Арайны щечки сыпью обметало…

– Госпожа, но как же так…

– Приглядывай, чтобы опять не убежали! Вернусь – с тебя за все спрошу, не с этих дур безмозглых… ты над ними старшей остаешься.

– Госпожа! – возопил Харнат, загораживая Волчице дорогу. – Куда ты собралась?

– За мужем, – снизошла до объяснений Арлина. – Ему грозит опасность.

– Какая опасность, с ним же Айфер! Да что ты, ясная госпожа! Случись что с тобой, Сокол нам всем головы поотрывает! Уж сердись не сердись, а никуда я тебя не пущу!

Волчица, стоя на ступеньках, взглянула на дарнигара сверху вниз. Харнат попятился. Не было в этом взгляде ни просьбы, ни смятения, ни сомнений. Это был взор полководца, за спиной у которого конница, пехота и дюжина катапульт.

– Ты – попробуешь – меня – остановить? – с расстановкой спросила женщина.

Дарнигар, не раз водивший воинов в сечу, призвал на помощь все свое мужество:

– Я за тебя отвечаю, светлая госпожа. Сокол мне не простит…

– А скажи, Правая Рука, есть ли в крепости хорошие каменщики? Или из Ваасмира привозить придется?

– Какие каменщики? – не понял Харнат и еще больше перепугался. – Зачем каменщики?

– Стену чинить, – доходчиво объяснила Дочь Клана. – Ворота ломать не стану: там часовые, их покалечить можно. Лучше разнесу стену меж двумя башнями. Людей убивать не хочу, но если кто у меня на пути встанет – тут уж я не виновата.

Харнат оцепенел. Как он мог забыть, что имеет дело с Истинной Чародейкой! Ведь на его глазах Волчица обратила в бегство вражескую армию! А жена рассказывала, как в Наррабане госпожа разорвала горный хребет и выпустила на волю пламя вулкана, чтобы разделаться с бандой убийц…

Не сразу Правая Рука понял, что Дочь Клана что-то говорит, обращаясь к нему:

– …и дашь мне охрану. Тогда господин поймет, что ты сделал все возможное, чтобы уберечь меня.

– Я могу проводить госпожу, – вызвалась Аранша из-за плеча мужа.

На мгновение взгляд Волчицы оттаял.

– Ты же устала, – сказала Арлина заботливо. – Да и промокла, наверное.

– Да пустяки, – весело ответила женщина-десятник. – Дождь кончился, а мне в седле промяться – одно удовольствие.

Побагровевший Харнат хотел было возразить, но поймал предостерегающий взгляд жены и промолчал.

Когда Волчица уже была в дверях, Аранша положила руку мужу на плечо и шепнула:

– «Шустрая красотка» – последнее судно, до весны уже не будет. А дороги – сам знаешь…

Дарнигар просиял, с благодарностью глядя на свою умницу жену. Ну конечно! До реки добраться еще можно, здесь дорога каменистая, предгорье все-таки. Но дальше… Осенние дожди превращают силуранские дороги в жуткое месиво, где телеги вязнут по ступицы колес, кони падают на каждом шагу, а путникам и вовсе не пройти. Никто и не ходит, все ждут конца распутицы, установления санного пути. А пока единственная дорога до Джангаша – Тагизарна, Большая Река. И раз Аранша говорит, что кораблей до весны больше не будет…

Что ж, пусть госпожа проедется до Шаугоса. Там ее путешествие и закончится. Даже Истинным Чародейкам не все на свете подвластно.

С этими утешительными мыслями дарнигар вышел на крыльцо. Там госпожа, ожидая, пока ей подадут коня, беседовала с долговязым Подгорным Охотником:

– Но ты же хотел зимовать в крепости…

– Передумал, светлая госпожа, раз подвернулся такой случай – с охраной добраться до Джангаша, не боясь разбойников…

Что-то в этой невинной беседе неприятно царапнуло Харната… упоминание о разбойниках, вот что! Ведь Подгорного Охотника и так никто не посмеет ограбить, это же всем известно! Так с чего это он об охране забеспокоился?

Харнат шагнул было вперед, чтобы вмешаться в разговор, но тут госпоже подвели вороного коня. Она легко вскочила в седло, вороной с места взял в галоп. Следом, разбрызгивая лужи, рванулся конный десяток Аранши. Последним скакал Керумик на саврасом жеребце, к седлу которого был приторочен длинный драконий коготь.

9

Орешек поежился под порывом ветра и плотнее закутался в плащ, который успел на скорую руку просушить над огнем и вычистить хозяин трактира «Рыжая щука».

Ухаживая за высокородным постояльцем, хозяин рассказал, что два дня назад мимо пристани прошли три больших корабля, на которых направлялся в Джангаш грайанский король Джангилар со свитой. Поплыл подписывать мирный договор. Хорошее дело, трактирщик всех богов молит за его успех. Для него куда лучше мирная жизнь и полный трактир проезжих торговцев, чем лавины воинов, перекатывающиеся через Шаугос. Причем неважно, свои воины или вражеские. Так и так – одно разорение…

Орешек тогда слушал и согласно кивал. Он, Хранитель пограничной крепости, тоже с большей радостью увидел бы купеческие обозы, въезжающие в ворота Найлигрима, чем вражеское войско под стенами. Жаль только, что король со свитой проследовали не через Найлигрим, а через лежащий восточнее Чаргрим. Там же и на корабли грузились…

Выходит, теперь он поплывет по «королевской дороге». Впрочем, куда важнее, что это дорога мальчишки, которого втянул в свои опасные игры мерзавец и прохвост…

Но Орешек с детства умел отгонять неприятные мысли. Он тряхнул головой и огляделся.

Да-а, «Шуструю красотку» лучше и не сравнивать с морскими кораблями, на которых Орешку довелось путешествовать три года назад. Одномачтовое корытце, при взгляде на которое пассажир тихо радуется своему умению плавать. Матросов то ли трое, то ли четверо – толком не пересчитаешь: суетятся, орут на грузчиков, делают вид, что тоже участвуют в погрузке, но, кажется, больше валяют дурака и отлынивают от дела.

И еще капитан – ну, этого трудно не заметить! Грозен и свиреп! На квадратной мрачной физиономии начертаны скверные предчувствия и желание сорвать на ком-нибудь злость. А причины плохого настроения вовсе не секрет. Орешек опытным взглядом бывшего портового грузчика определил, что утлое суденышко нагружено сверх всякой меры и осело так, что грузовая ватерлиния, выведенная на борту веселенькой оранжевой краской, давно скрылась под свинцовой водой. Жадность одолела капитана: как же, последнее в году судно! Можно заломить любую цену за провоз товара! Вот и нахапал груза свыше всякой меры, а в дороге не раз об этом пожалеет.

У пассажиров настроение не лучше. И тоже не без причины. Опять-таки вспомнишь добрым словом морской корабль, где у каждого была своя каюта – пусть крошечная, но все же…

А здесь на корме торчит нечто вроде беседки – навес на четырех столбах. От ветра и дождя между столбами натягиваются плотные циновки, но сейчас погода тихая, циновки скатаны и подтянуты веревками наверх.

Внутри этой дурацкой кроличьей клетки – от столба к столбу – скамьи, на которых уже почти нет свободного места. Так и придется почти всю дорогу сидеть лицом друг к другу. Занемеют вытянутые ноги – их можно размять, спустившись по низенькой, в две ступени, лестнице и оказавшись на узкой «дорожке» вдоль левого борта. Несколько шагов вперед, несколько шагов назад… С одного конца эта «главная улица» упирается в дощатую будочку – на случай, если бедняге пассажиру потребуется не только прогуляться.

Хочешь – дремли, хочешь – глазей по сторонам, хочешь – болтай с соседями. А на ночь «Шустрая красотка» причалит к берегу: по Тагизарне суда в темноте не ходят…

Орешек обвел взглядом своих попутчиков.

Рядом с ним сидит великан Айфер, с удовольствием разглядывает палубу и пристань. Вот уж кто не забивает себе голову лишними мыслями и потому всегда доволен судьбой! Хороший спутник в любой дороге – могучий, смелый, непритязательный, с покладистым характером…

Рядом с Айфером – спокойный, неразговорчивый пожилой человек, задумчиво грызущий яблоко. Он совсем недавно поднялся в «беседку», а до этого наблюдал за погрузкой. Орешек слышал краем уха, что это купец, который не только везет свой товар, но еще по поручению других торговцев присматривает за их тюками.

По соседству с ним сидит парнишка в широком плаще и наброшенном на голову капюшоне. Орешек вскользь видел его лицо – совсем юнец, даже странно, что один путешествует.

А путник, что сидит напротив парнишки, и вовсе в своем капюшоне утонул, даже подбородка в тени не разглядишь. Плащ плотно стянут на груди шнурами, руки спрятаны в рукава – не человек, а тюк упакованный. Суетой на пристани не интересуется, по сторонам не глядит – спит, наверное.

Сидящий рядом с ним здоровяк – крепкий, с проседью в темных волосах – не успел доесть в трактире жареную курицу и теперь обстоятельно расправляется с последним куском, запивая вином из глиняной фляжки. Тут уж и гадать нечего – наемника за драконий скок видно.

На жующего наемника неодобрительно косится тощий, долговязый щеголь в богато расшитом камзоле. Впрочем, неодобрения щеголя удостоился не только кряжистый наемник: разодетый господин уныло обозревает компанию, в которой ему предстоит провести не один день, прижимает к носу надушенный платочек и шумно вздыхает.

А вот в беседку поднимаются последние двое пассажиров, закончившие торговаться с капитаном, и тоже усаживаются на скамье.

Оба молоды – лет по восемнадцати. Оба хорошо одеты – бархатные камзолы и легкие нарядные плащи (не очень-то удобные для дальней дороги), высокие сапоги из мягкой кожи, с фигурными подколенными пряжками.

У одного очень приметная внешность. Настоящий красавец – рослый, статный, с длинными черными волосами по плечам. Высокий чистый лоб, нос с горбинкой, чуткие тонкие ноздри, решительный подбородок… Но Орешек встретил взгляд юноши – и понял, что эти выразительные гордые черты скрывают душевное смятение, как лед на реке скрывает черное течение. Растерянность и горечь прятались в серых глазах юноши. У этого красавца был взгляд потерянного ребенка!

Второй спутник был ниже ростом, шире в плечах и куда менее хорош собой: курносый нос, смешно торчащие уши… но круглая приветливая физиономия по-своему обаятельна. Симпатичный парень. Пожалуй, будет славным попутчиком…

Внизу матросы начали убирать трап.

– Стойте-стойте-стойте! – раздался вдруг веселый звонкий голос. – А как же я?! Подумайте, ведь вы могли уплыть без меня! Какой ужас, верно?

Пассажиры подались к перилам, сверху разглядывая что-то яркое, стремительное, вспорхнувшее по трапу и невероятно высоким прыжком метнувшееся на палубу.

Перед опешившим капитаном встала, раскинув руки, юная девушка, почти девчонка, в диковинном разноцветном наряде.

Широкие, наррабанского покроя, оранжевые шаровары. Коротенькая алая кофточка, туго обтягивающая маленькую полудетскую грудь и оставляющая открытой узкую загорелую полоску на животе. Рукава – из невероятного количества лент всех цветов и оттенков. Короткая темная стрижка, миловидное смуглое личико – даже из «беседки» видно, как задорно блестят черные глаза.

– Вот и я, капитан! – гордо заявила она и, перекувыркнувшись назад, мелькнула в воздухе ножками в черных башмачках. Никто и ахнуть не успел, как она оказалась стоящей на руках на краю борта.

– Так! – мрачно бросил капитан. – Я-то все думал: чего мне не хватает? Оказывается, цирка… А ну, егоза, брысь на берег! У меня пассажиров уже предостаточно, да еще таких, что не кувыркаются!

– Я тебе не нравлюсь? – изумилась девушка. Она совершила обратный кувырок, колесом прошлась по палубе и картинно упала на одно колено перед «беседкой». – Но благородные господа не дадут свершиться такой жестокости! Не позволят маленькой бродячей актрисе застрять в распутицу и дождь в грязном трактире, среди крыс и клопов!

Благородные господа наперебой зашумели, что они согласны, что никого эта малышка не стеснит, можно как-нибудь уместиться…

Капитан хмыкнул и махнул рукой – мол, разбирайтесь как знаете!

– Вот и отлично! – просияла циркачка. – Эй, Тихоня, поднимайся на борт!

Доски трапа прогнулись и заскрипели под грузными шагами. У капитана отвисла челюсть. За спиной у Орешка кто-то ошарашенно засвистел, а сам Орешек тихо протянул: «Вей-о-о!»

Человека, поднимавшегося по трапу, не рискнул бы похлопать по плечу даже медведь. Он был не так уж и высок, но очень широк в плечах и невероятно мускулист – этакая квадратная глыба, заросшая грязно-бурым волосом.

– Это что за явление?! – опомнился капитан.

– Это Тихоня, – с готовностью объяснила девушка. – Мой верный слуга, спутник и защитник. Добрые люди платят мне за танцы, а я плачу Тихоне за охрану… – И тоном избалованной принцессы добавила: – Не могу же я путешествовать без прислуги!

– И с прислугой не можешь! – рявкнул капитан. – Ты-то, коза прыгучая, и на коленях у господ доехала бы, они б не возражали… а этого тролля куда сажать?

– Правильно! – горячо согласилась циркачка. – Не будет места на скамье – на полу посидит, не принц небось. Плащ подстелет и посидит! Как все-таки хорошо, что за нас уже заступились эти добрые господа! Им, конечно, не трудно подобрать ноги под скамейку, чтобы Тихоня мог устроиться как-нибудь…

– Э-эй, нахалка, а платить? – возмутился сдавшийся уже капитан. – Или надеешься своими прыжками да ужимками рассчитываться?

– Кошелек у Тихони! – царственно отозвалась девчушка и, подмигнув попутчикам, доверительно объяснила: – У бедной девочки всяк норовит деньги отнять!

Она скользнула в «беседку». Пассажиры, вставшие, чтобы лучше видеть «представление» на палубе, спешили вновь рассесться на скамьях. Акробатка тоже высмотрела себе местечко, рванулась туда – и столкнулась с темноволосым красавцем. Чтобы скрыть смущение, циркачка набросилась на юношу:

– Что встал, как забор некрашеный? Трудно барышне дорогу уступить? А что ухмыляешься? Разулыбался, словно по радуге прогулялся!

(Теперь, когда Тихоня уже отсчитывал монеты за проезд, она перестала называть остальных пассажиров «благородными господами».)

Не обидевшись, молодой человек снял с себя тонкий синий плащ и набросил девушке на плечи, скрыв пестрое великолепие ее наряда:

– Холодно, ветер от воды. Простудишься…

Впервые бойкая циркачка растерялась. Она зябко повела узкими плечиками, словно лишь сейчас почувствовала, как продрогла на осенней сырой палубе в своей легкой кофточке. И тихо села на скамью, не поблагодарив даже парня за плащ.

Ее могучий спутник уселся посреди беседки, подложил под локоть котомку, извлек из нее краюху хлеба и начал сосредоточенно жевать, не обращая ни на кого внимания.

Понемногу все уселись (не без легкой перебранки и взаимных обвинений в отдавленных ногах) и обнаружили, что трап уже убран, парус поднят и судно поворачивает от берега.

На миг все притихли, разом и остро почувствовав, как стылые плотные струи оторвали их от земли. Ох, зыбкая дорога, ненадежная дорога! Могучая Тагизарна капризна даже летом, а уж осенью, чуя близкое заточение в ледяной темнице, становится она свирепой и коварной.

Но вскоре странное общее волнение развеялось. Франт отнял от носа надушенный платочек и снисходительно сказал:

– В любой компании право начать беседу принадлежит самому знатному. Поэтому я предлагаю каждому назвать свое имя или дорожное прозвище, а также рассказать, куда и зачем лежит его дорога. Нам вместе быть не один день, а путь в обществе молчаливых незнакомцев скучен и долог. Я – Челивис Парчовый Кошель из Рода Вайсутар. Еду из Фатимира в столицу – получить наследство. Пожалуй, и останусь там – ужасно надоела провинция… Так с кем я делю палубу этого речного корыта?

По тону щеголя было ясно, что он не ожидает ничего хорошего от сброда, с которым его свела судьба, но все же старается быть любезным.

При словах «самому знатному» Айфер подался вперед, но Сокол остановил его, незаметно нажав на локоть. Он забавлялся.

– Мое имя – Аншасти Летний День, – вежливо привстал, насколько позволила теснота, благообразный пожилой человек. – Я из Семейства Намиумме, ваасмирский торговец. Рад буду познакомиться с остальными путниками.

– Я – Ингила Озорная Стрекоза из Семейства Оммубет, – сообщила девчонка. – Тихоню я вам уже представила. А ремесло наше… Может, почтеннейшая публика сама отгадает? Эх, скрутила бы я сейчас сальто, да места мало…

– Айфер Белый Лес, – с достоинством сообщил спутник Ралиджа. – Из Семейства Тагиал. Наемник.

– Фаури Дальнее Эхо. Об остальном, пожалуй, умолчу, – учтиво, но твердо сказал самый юный пассажир. Представившись, подросток вновь отвернулся, устремив взгляд на серую воду за бортом. Спутникам был виден из-под капюшона лишь округлый нежный подбородок.

– Что ж, – нехотя признал Челивис, – в дороге каждый говорит о себе столько, сколько хочет. Лгать нельзя, но промолчать можно… Жаль, жаль, я-то надеялся встретить хоть одного Сына Рода, чтобы беседовать с ним на равных. Но, может быть, меня порадует незнакомец в черном плаще?.. Да, почтеннейший, я тебе говорю, тебе! Будь так любезен, откинь капюшон и скажи, как мы должны тебя называть…

Тут Орешек сообразил, что незнакомец в черном – единственный, кто не бросился к перилам смотреть на прыжки циркачки. Даже позы не поменял. Может, болен или, упаси боги, мертв?

Но оказалось – жив!

– Что вам от меня нужно? – раздался из-под капюшона возмущенный молодой голос. – Какое вам до меня дело? Никто я! Понятно? Никто! И оставьте меня в покое!

Челивис так оскорбился, что вместо слов у него из горла вылетело какое-то куриное квохтанье. Быть бы ссоре, но вмешался юноша, который поднялся на борт вместе с черноволосым красавцем. Круглая физиономия его излучала дружелюбие.

– Ну, зачем сердиться? В дороге каждый себя как хочет, так и называет. Вот этот господин назвал себя Никто. Его воля. Так и будем величать.

– Ну и дурак! – буркнул пожилой наемник, уже доевший курицу и вытиравший засаленные пальцы о штаны. – Клички еще выдумывать, как у Отребья… Вот я имени не скрываю, чего мне стыдиться? Я – Ваастан Широкий Щит из Семейства Вейвар. У меня отец был наемник, дед был наемник, сам всю жизнь служу.

– Но ведь приметы не нами придуманы! – возразил круглолицый юноша. – Мне еще в детстве мама говорила: «Имя – не подметка, его о дорогу бить ни к чему». Вот сейчас придумаю себе прозвище до Джангаша… А цель моего пути… ну, тут мне скрывать нечего и врать

незачем. В Джангаше есть Храм Всех Богов. Там под одной громадной кровлей – жертвенники всех Безликих. Вот туда и направляюсь. Я… ну, словом, я недоволен своей жизнью. Побываю в храме – может, она изменится к лучшему.

– О-о! – с большим уважением сказал купец Аншасти. – Какая достойная цель поездки! Как приятно встретить такое благочестие в столь молодом человеке!

– Пи-ли-грим! – насмешливо припечатал Айфер, который не отличался особой набожностью. И с этого мгновения круглолицый юноша стал для всех Пилигримом.

– А ведь я тоже себе прозвище придумаю, – задумчиво сказал его черноволосый спутник. – Вот уж никогда не думал, что придется…

– А куда ты направляешься? – поинтересовался наемник Ваастан.

– Да как сказать… пожалуй, сам не знаю. Куда-нибудь… мир велик!

– То есть как это «куда-нибудь»? – строго поинтересовался Аншасти, явно увидевший в подозрительном бродяге угрозу для вверенных ему товаров.

Молодой человек ответил, взвешивая каждое слово:

– Предполагалось, что я унаследую семейное дело. Но с этим… с этим возникли сложности. Пожалуй, попытаюсь стать бродячим поэтом и сказителем. Я раньше пробовал писать стихи… и говорили, что у меня есть способности.

– Да? – встрепенулась Ингила. – А на каком-нибудь музыкальном инструменте играешь?

– На лютне, но у меня с собой ее нет.

– Стыдно, юноша! – поджал губы Аншасти. – Нехорошо пренебрегать семейными традициями! Вот у меня и сын, и внук, и племянник – все в лавке помогают. А ты… по дорогам, со всякими бродягами…

– Действительно, ничего хорошего! – надменно поддержал его Челивис и опять поднял к лицу руку с платочком. – Я рассчитывал совершить путешествие в более приличной компании. Ну, еще почтенный Аншасти… торговля – занятие уважаемое. Но циркачи разные… или рифмоплет бездомный…

– Рифмоплет? – оживился загрустивший было юноша. – Мне нравится – Рифмоплет! Пожалуй, так меня и зовите!

Сын Рода безнадежно махнул рукой и обернулся к Орешку:

– По одежде ты выглядишь вполне достойным человеком. Но вырядиться, как мы сейчас убедились, может кто угодно. И если ты тоже какой-нибудь актеришка… или бродячий зубодер… или гадальщик… или другое украшение придорожных канав… умоляю, не говори об этом! Оставь мне хоть надежду, что среди моих спутников есть приличные люди!

Все притихли, с любопытством глядя на последнего незнакомца в компании: обидится на спесивые речи или нет? Айфер заухмылялся, предвидя, как обернутся события.

– Вырядиться может каждый, это верно, – смиренно вздохнул Орешек. – Пожалуй, я и впрямь не гожусь в попутчики господину. Сказали бы мне заранее, что на этом корабле плывет такая знать, ни за что бы побеспокоить не осмелился. Лучше уж вплавь до самого Джангаша! Или напросился бы туда, где самое место такой мелюзге, как я… скажем, на один из кораблей короля Джангилара. Я же всего-навсего Хранитель крепости Найлигрим. Мое скромное имя – Ралидж Разящий Взор из Клана Сокола, Ветвь Левого Крыла.

И, распахнув плащ, повертел в пальцах висящую на цепочке бляху с вычеканенной птицей.

Эффект был оглушительный. Айфер сиял, но остальные… Каждый почувствовал себя так, словно в горах постучал палкой по большому валуну, а это оказалась выглядывавшая из расселины голова дракона.

Наконец торговец неуверенно сказал:

– Может, нам устроить Сына Клана поудобнее? Вот только не знаю… в такой тесноте…

– А может, – мечтательно сказала Ингила, – Сокол спустится вниз, вышвырнет капитана из его каюты и займет ее сам?

И бросила мстительный взгляд на палубу, где ничего не подозревающий капитан распекал за что-то матроса.

Челивис молча открывал и закрывал рот, словно произносил длинную беззвучную речь.

Орешек не успел отказаться от предложения Ингилы: девчонка вдруг вскочила, замахала руками:

– Смотрите-смотрите-смотрите! Вон там! Кто это?

Все обернулись.

По обрывистому берегу, догоняя корабль, неслись всадники. Те, что скакали впереди, что-то кричали, но ветер доносил до «Шустрой красотки» лишь обрывки слов.

– Это еще что за радость на мою голову? – озадаченно бормотнул капитан, остановившись в двух шагах от «беседки». Порыв ветра ударил в парус. Все четко расслышали:

– Повора-ачивай!..

– Как же! – возмутился капитан. – Чтоб на камни прибрежные напороться? Да если б на меня все Безымянные хором вот так заорали, я и то бы не смог…

Орешку почудилась в летящей кавалькаде некая странность Он обернулся, чтобы посоветоваться с Айфером… и замер, увидев еще более странное зрелище.

Любопытствующими зрителями были только Айфер и циркачи. Остальные путники появлением отряда были весьма встревожены… точнее сказать, перепуганы.

Сын Рода сполз под скамью, чтобы его не видно было с берега.

Загадочный Никто, прижавшись к столбу навеса, содрогался крупной дрожью, да так, что от тряски сверху упала одна из циновок.

Вояка Ваастан, положив руку на эфес, сузившимися глазами пересчитывал всадников.

Торговец Аншасти в ужасе вскинул перед собой ладони, словно отстраняя опасность.

Круглолицый Пилигрим уже не выглядел добродушным: лицо напряглось, всем телом он подался к перилам, словно собирался кинуться за борт.

Юный Фаури в отчаянии закрыл лицо руками.

А Рифмоплет как преобразился! В руке нож – из-за голенища вытащил, что ли? Больше он не напоминает потерянного ребенка. Какое там! На хищника похож, который не даст запереть себя в клетку! Глаза стальные, свирепые…

Все кончилось быстро. Береговая линия превратилась в беспорядочное нагромождение скал, где не проехать верховому. Погоня отстала.

– Да как же тут повернешь? – угрюмо бубнил внизу капитан. – Тут течение, там подводные камни… ну, никак не повернешь…

Рифмоплет с ловкостью фокусника спрятал нож. Ваастан хрипло выругался и убрал руку с эфеса. Остальные вернулись на свои места, старательно делая вид, что им совсем не было страшно.

Дерзкая девчонка Ингила фыркнула:

– А и перетрусила наша пестрая компания! Правда-правда-правда!

Никто ей не ответил.

Ралидж отметил для себя в памяти странное поведение попутчиков и шепнул Айферу:

– Не показалось ли тебе, что среди всадников… на вороном коне, в мужской одежде… была наша госпожа… Волчица?

Айфер захлопал глазами, а Ралидж погрузился в невеселые раздумья о своей отчаянной супруге. И не заметил, не почувствовал брошенный ему в спину короткий хмурый взгляд одного из попутчиков.

* * *

Тот, кто должен был умереть этой ночью, сидел неподалеку от Четвертого. Ралидж из Клана Сокола – именно его приговорил к смерти всемогущий создатель и повелитель Глиняных Людей.

Четвертому не было жаль Сокола. И не угрызениями совести было полно сердце, опаленное жаром погребального костра. Существом, восставшим из пепла, целиком владело единственное чувство, которое он сумел сберечь из прежней жизни.

Ненависть. Лютая ненависть к чародею, который сделал из живого человека говорящую куклу… или нож в ножнах…

Здесь, вдали от хозяина, не так ощущалась его гнетущая власть. Даже всплывали обрывки воспоминаний – какие-то драки, попойки… Имя не возвратилось. Безымянное существо оставалось Глиняным Человеком – а жаль. Почему-то казалось, что, если он назовет свое имя, ненавистные чары развеются, он обретет свободу.

Бунтовать он уже пробовал – и узнал, что может сделать с ним золотое колечко, надетое на хозяйский палец. Это было страшное воспоминание. Самое страшное в этой куцей новой жизни.

Но хозяин со своим проклятым кольцом остался так далеко! Река несет маленький корабль на север… А вдруг невидимый поводок, на котором господин держит своего раба, имеет предел? Вдруг на каком-то расстоянии от замка чародей утратит власть над Глиняным Человеком? Тогда он убежит, спрячется… Ворон никогда его не отыщет…

Стать прежним невозможно, это он знал твердо. Но даже если обретенная свобода превратит его в горстку пепла… что ж, он согласен заплатить такую цену!

А может, уже настал миг, когда цепь порвалась? Ведь ему все легче и легче играть роль обычного путника…

Что ж, это можно проверить. Ночью Сокол должен умереть? А Четвертый попытается удержать свои руки от убийства! Если Ралидж встретит рассвет живым – значит, для Глиняного Человека есть надежда!

* * *

Невольник колдуна решал судьбу Сына Клана и не подозревал, что и его собственная жизнь, опутанная черными чарами, тоже находится сейчас под угрозой. Как и жизни всех на борту судна.

Далеко впереди по течению Тагизарны лучи закатного солнца скользили по изломам скалистого берега, пропадали в трещинах и ущельях, набрасывая на утесы причудливые одеяния из резких теней.

Внезапно эти призрачные покрывала зашевелились, задвигались, словно отделяясь от скал – или словно сами скалы ожили. Недобрая, опасная жизнь пробуждалась среди мрачных камней, в местах, куда и волк боялся забегать.

Круглый год Большая Река грозила кораблям порогами и перекатами, прихотливыми течениями и стволами-топляками. Но с приходом холодов смерть тянулась к последним дерзким суденышкам не только с воды, но и с берега…

10

Джилинер ласкающе тронул кончиками пальцев резную раму зеркала.

– Да, – сказал он негромко, – забавная компания подобралась на борту. И в самом деле – пестрая…

В последнее время у Ворона появилась привычка разговаривать со своим отражением. Полушутя-полувсерьез он называл это «побеседовать с умным человеком». Даже самому себе он не признавался в том, что это было вызвано глубочайшим одиночеством. Раньше он мог обсуждать свои планы с верным Шайсой, а теперь…

Оставался лишь двойник за неуловимой светлой гранью. И хотя сейчас на поверхности стекла покачивался борт речного судна, Ворон знал: там, в зеркальной глубине, смиренно ждет темноволосый бледный человек, чуткий, внимательный, все понимающий, разделяющий каждую мысль, каждое чувство Джилинера.

Чародей насмешливо скользил взглядом по скучающим лицам путников в «беседке»:

– И Сокол здесь… и Четвертый… удачно, очень удачно.

Внезапно Ворон подобрался, глаза его сузились:

– Но это же… ого, вот так подарок судьбы! Не ждал, не ждал… Значит, убегаем? В Силуран, да? Ну беги, беги! Я встречу тебя на пристани в Джангаше. И на голове у меня будет корона!

Возбуждение смело прочь небрежную ленцу. Ворон встал, прошелся по комнате.

– Я уже был бы королем! Уже! Если бы не эти идиоты… так провалить покушение! Так опозориться! А этот придурок Второй – ну, куда он вылез с предсказанием, раз король еще не умер? Вот Шайса сообразил бы… Что ж, придется Нуртору скончаться во время переговоров. И на третий день траура, как гласит пророчество, время потечет вспять: я напомню всем, что до Вепрей Силураном правили Вороны. И наречет меня Дракон другом своим… наречет, куда он денется! Ему куда выгоднее видеть на троне Силурана меня, чем…

Джилинер оборвал монолог, напрягся. В резной раме исчезли река и корабль. Зеркало, словно окно, распахнулось в непролазную чащу, где могучие дубы и грабы отряхивали последнюю листву на заросли дикой малины и боярышника, среди которых с трудом угадывались очертания полуразрушенной каменной стены…

* * *

Лес крепко потрудился над развалинами крепости. Та часть стены, что видна была меж могучими стволами, осела, превратилась в груду камней, полускрытую под слоем мха и мертвых осенних стеблей. Орда захватчиков не смогла бы так расправиться со злополучной стеной, как трава и кусты, что терзали ее из года в год, из века в век.

Корни и ветки не пощадили ни крепостных стен, ни построек, ни обширной площади с мраморной чашей фонтана и солнечными часами. Плющ так густо оплел башни, что превратил их в слепые скалы – не отыскать ни входа, ни окон. Кабаны и олени, без страха стуча копытами по выщербленным плитам, заходили в проломы стены, не зная, что ступают по искусно высеченным на камне колдовским знакам, некогда охранявшим обитателей крепости от злобных лесных духов. Живое сильнее мертвого: его сила в вечном обновлении. Давным-давно нет на свете оленя, что столетия назад первым рискнул заглянуть в опустевшие человеческие владения, а его дальние потомки каждую весну щиплют здесь молодые побеги крапивы. А статуи, лежащие в этой самой крапиве, никогда уже не поднимутся на свои постаменты. И дождям,

которые по высоким стеблям стекают на мрамор и гранит, все равно, что они размывают своими струями – лики древних героев или морды зверобогов…

Но было в лесных развалинах нечто такое, над чем оказалось не властно даже Время.

Меж кряжистых стволов и сплетенных ветвей распахнулась поляна. Заросли разбивались о ее края, как волны об утес. Сухие стебли бурьяна остриями вражеских пик бессильно грозили поляне.

На ровных, безукоризненно подогнанных друг к другу гранитных черных плитах была выбита большая звезда с восемью лучами, сплошь покрытая загадочными мелкими значками. Ни один мокрый лист не прилип к гладкой поверхности плит, ни пятна грязи не было на них, словно старательные рабы мыльным раствором отчистили каждый желобок.

Звуки вечернего леса – похрустывание, шелест, ленивая перекличка засыпающих птиц – слились над этими плитами в странную, звонкую, настороженную тишину. Тишину, полную ожидания – долгого, неослабного, напряженного.

Внезапно из этой тишины родился шуршащий голос, в котором не отражались никакие чувства:

– Я слышу. Люди. Двое. Идут сюда.

И сразу же тишина рассыпалась возбужденной разноголосицей.

– Люди! Сюда идут люди! Чуткий услышал их!

– Да не шумите, вы… спугнете!

– Спас-с-сение! С-с-скорее!

– Приглядите за Безумцем, чтоб не помешал…

– Все равно ничего хорошего из этого не…

– Заткнись, старый глупец! Да где же они?!

– Я сказал – тихо!!

И вновь все смолкло. Но тишины уже не было над полянкой: лес огласился приближающимся стуком топоров и неразборчивой бранью на два голоса.

Кусты затрещали. На полянку вывалились двое. Один из них патлатый тощий парень – огляделся и возмущенно заявил:

– Ты куда меня завел, придурок? Одни камни остались…

– Люди зря болтать не будут, – озабоченно откликнулся его спутник, верзила с изрытым оспой лицом. – У этих Ночных Магов, говорят, подземелья были битком набиты сокровищами!

– И вот так пятьсот лет они лежат, нас ждут? Небось пошустрее нашлись, все выгребли…

– Захлопни пасть! Всю дорогу ноешь… пришибу тебя, и дело с концом!..

– Стой! – перебил его патлатый. – А это что такое?

– Где?! – оскалился рябой, вскинув топор.

– Да вот… – указал его спутник на плиты с рисунком.

– Тьфу! Я думал, ты впрямь что-то углядел.

– Ты что, дурень, не видишь? Вокруг все заросло, а плиты чистые!

– И хорошо, что чистые. Сейчас тут сядем, перекусим, а потом поищем вход в подземелье. Тут и костер разведем, ночь будет ясная.

– Ох, лучше бы в лес уйти! Говорят, здесь призраки магов до сих пор бродят… все восемь…

– Семь, – поправил патлатого звучный, красивый женский голос.

Рябой, уже усевшийся на край плиты, вскочил, подхватил из травы свой топор и яростно заозирался в поисках той, что заговорила с ним. Патлатый позеленел от ужаса, рухнул на колени и закрыл голову руками.

– Э-эй! – рявкнул рябой. – А ну, выходи, кто тут есть! Покажись!

Раздался смех, совсем не похожий на женский. Очень неприятный смех – лязгающий, жестяной какой-то…

– Пощадите нас! – провизжал патлатый, стоя на коленях. – Мы сейчас… мы уйдем… и никогда, никогда…

– Уйдете? – отозвался въедливый старческий голос. – Ну уж нет!

У патлатого перехватило горло. Рябой застыл с поднятым топором, глаза свирепо сузились.

Над черной плитой замерцал рой огоньков. Предвечерний воздух сгустился, задрожал, поплыл тонкими полупрозрачными струями, которые сплелись в туманную фигуру. Перед потрясенными людьми возник седобородый старец в длинной мантии. На вытянутом темном лице колючими огоньками сверкали глаза.

– Уйти хотите? – въедливым голосом поинтересовался он. – В Кровавую крепость прийти легче, чем уйти.

Рябой оказался неустрашимым до тупости. Он крепче стиснул топорище и со злым вызовом спросил:

– Ты, что ли, старый козел, меня останавливать будешь? А я сам не уйду. Не для того сюда тащился…

Призрак заколыхался, туманные струи свились в новый узор – и перед глазами смельчака предстала прекрасная женщина, гордая и властная. Темные волосы, невероятно длинные и пышные, спадали ей на грудь и спину, закрывая тело блестящим плащом. Это была ее единственная одежда, но держалась женщина так спокойно и надменно, словно на ней блистала парча королевского наряда.

– Ты дерзок, смертный! Раз забрел во владения Семи Магов, будь почтителен и послушен – и тебе подарят жизнь… может быть!

Женщина горделиво вскинула голову, длинные пряди волос разметались на ее высокой груди. Рябой, ошалев от такого зрелища, чуть не выронил топор, а патлатый, до этого закрывавший ладонями лицо и глядевший сквозь пальцы, потрясенно опустил руки.

Но туман над плитами вновь всколыхнулся – и явил глазам незваных гостей широкоплечего человека с резкими, энергичными чертами лица. На нем была кожаная куртка с нашитыми металлическими полосами. Не только этот боевой доспех и меч у пояса, но и жесткий взгляд, и прямая осанка выдавали воина.

– Вижу, вы не трусите, парни! – заговорил призрак с грубоватым дружелюбием. – Пришли искать клад, верно? Хорошее дело! Клад здесь и впрямь есть, да не всякий его взять сумеет.

Рябой недоверчиво заморгал, а патлатый, который до сих пор трясся от немого ужаса, неожиданно успокоился и поднялся с колен. Их не убили на месте? С ними беседуют? Отлично! Переговоры – это по его части!

– Скажи, о доблестный воин, – начал он льстиво и велеречиво, – что мы можем сделать, чтобы взять сокровища и не навлечь на себя гнев Восьми Магов?

– Семи, – вновь поправил его гневный женский голос.

– Не влезай в разговор! – грубо одернул невидимую женщину воин. – Не видишь, что ли: дело идет на лад! Парни, похоже, соображают, что даром на свете ничего не даемся. Услуга за услугу…

– Понимаю! – просиял патлатый. – Почтенные призраки хотят, чтобы мы с другом разыскали их бренные останки и предали честному погребальному костру?

– Да мы сами кого хочешь на костер уложим! – возмутился въедливый старческий голос.

– Ты тоже заткнись, – негромко, но веско бросил воин в пустоту и продолжил, обращаясь к патлатому: – Недра Кровавой крепости хранят сокровища, но не один охотник за чужим добром свернул себе шею, добираясь до них. Хочешь получить клад – отработай его!

– Так что сделать-то? – с жадной готовностью спросил патлатый. Его дружок стряхнул оторопь и закивал: мол, о чем разговор, отработаем…

Но воин не успел объяснить, чем люди могут пригодиться призракам чародеев. Туман соткал новую фигуру – и у кладоискателей пропала охота вести переговоры.

Над ними поднялось высоченное – в полтора человеческих роста – чудовище, похожее на ящерицу, вставшую на задние лапы. Тело покрывала синеватая чешуя, в клыкастой пасти метался раздвоенный змеиный язык. Два маленьких острых глаза горели алыми рубинами, а третий, большой, ярко-зеленый, сиял на лбу, над плоским носом.

Чудовище распахнуло пасть так, что видно стало багровое нёбо. Глотка, плохо приспособленная для человеческой речи просипела:

– Рас-с-сыскать… привес-с-сти…

Тут и у рябого смельчака подкосились ноги – в прямом смысле слова. Впрочем, он не стал мешкать и на четвереньках рванул в кусты. Его в два прыжка догнал патлатый.

Но убежать не удалось. Невидимая сеть, липкая и тягучая, опутала их, сковала движения, повалила на землю.

– Ну полно, полно! – раздался над ними укоризненный голос воина. – Призраков бояться – клада не найти.

Патлатый поспешно обернулся, всем своим видом выражая готовность слушать. Рябой еще подергался, понял, что это бесполезно, и тоже смирился.

– Не все мы – люди, – снисходительно объяснил воин. – Когда-то нас было пятеро… пять Ночных Магов… – Голос воина стал резким, в нем заплескалась горечь. – Мы не были Детьми Клана… я, например, всего-навсего незаконный сын одного из Воронов. Поэтому Истинные Маги презирали нас… называли нашу силу черным колдовством, идущим от Хозяйки Зла. Общая боль сплотила нас. Мы объединились – и стали могучи. Настолько могучи, что сумели прорвать Грань Миров и уйти туда, где до нас не бывал ни один человек…

– Это в Подгорный Мир, что ли? – спросил патлатый.

– То, что сейчас называют Подгорным Миром… когда-то это были несколько миров, непохожих друг на друга, по-своему прекрасных. Их населяли разумные существа… Там мы встретили еще троих чародеев, которые вошли в наш круг. Нас стало восемь – и сила наша возросла настолько, что нам позавидовал сам Шадридаг. – Мечтательное выражение исчезло с лица воина. – Я знаю, вы и сейчас помните его, считаете величайшим из магов.

– Величайшими были Первые Двенадцать, – набожно поправил патлатый. – Но после них – да, Шадридаг… ох, то есть… так говорят…

– Говорят?! – провизжал откуда-то старик. – Шадридаг – мерзавец! Как он посмел обвинить нас… свалить на нас…

– Какой-то природный катаклизм уничтожил соседние Миры, – холодно пояснила невидимая женщина. – Смял их в ком. А Шадридаг посмел заявить, что всему виной наша магия, – мол, созданные нами волшебные предметы нарушают граничное равновесие.

– И даже заявил, что еще немного – и наш родной мир погибнет! – возмущенно подхватил воин. – Да, действительно, граница начала разрушаться… появились Врата… но при чем тут мы?

– Ему просто нужен был повод! – выкрикнул старик. – Расправиться с нами!.. Уничтожить наши артефакты!..

– Прекратите вопить! – Женщина первой взяла себя в руки. – Ему же это удалось, разве нет?

Воцарилось молчание, в которое робко втиснулся голос патлатого:

– И чего же вы хотите?

– Мы хотим вернуться в мир живых! – повелительно изрекла женщина. – Хотим вновь обрести жизнь, славу и власть!

– Да нам-то что сделать будет велено?

В столбе света вновь возник седобородый старец.

– Нас было восемь, – сказал он. – Когда Шадридаг осадил крепость, одна из нас тайком выбралась за стену… э-э… на разведку…

– Сбежала! – Голос женщины, прежде величественный и звучный, сорвался на визг. – Предательница! Гадина!

– Может, и сбежала, – примирительно согласился старик. – Важно другое: когда Шадридаг разделался с нами, она уцелела. И сможет теперь вернуть нас в мир живых. Найди ее, приведи сюда – и получишь столько золота, что утонешь в нем по самую макушку.

От изумления патлатый забыл о страхе:

– Так то ж было пятьсот лет назад! Она ж умерла давно, эта ваша… как ее… ну, восьмая!

– Ясное дело, умерла! – весело согласился из вечернего сумрака голос воина. – И не один раз! Она такая – умрет, потом снова на свет рождается. И помнит все, что было раньше! За то и прозвана – Вечная Ведьма.

– А… я… как ее найти?

– Наши волшебные предметы мертвы. Но одна вещица, принадлежащая Вечной Ведьме, сохранила силу – ведь ее хозяйка жива! Возьмешь эту вещь, она укажет путь к своей госпоже. Но помни: едва ты коснешься чародейского артефакта, как твоя жизнь окажется в нашей власти. Попробуй предать нас – издохнешь в мучениях!

– Да ладно пугать! – вмешался в разговор рябой, до сих пор молчавший. – Что там за штуковина?

Каменная плита под ногами призрака засветилась изнутри, стала прозрачной. В ее глубине возникли очертания золотого ожерелья: массивные звенья, крупные, грубо обработанные полудрагоценные камни. Ожерелье не выглядело изящным дамским украшением. Была в нем скрытая мощь, утверждение могущества того, кто осмелился бы его надеть. Оно подошло бы древней воинственной королеве.

Патлатый тихо застонал от восторга и страха. Рябой молча встал на четвереньки, недоверчиво потрогал поверхность камня.

– Не спеши, – ледяным голосом посоветовала женщина (теперь именно она сверху вниз глядела на ползающего по плитам рябого). – Запомни: ожерелье позволяет тому, кто его наденет, проходить сквозь стены. Но пользуйся им как можно реже! Этот артефакт… вот из-за таких и ополчился на нас Шадридаг! Ожерелье и в самом деле нарушает равновесие природных сил: меняет погоду, может вызвать вспышки болезней… – Чуть помолчав, женщина неохотно добавила: – К тому же оно и впрямь размывает границу Миров. Ты понимаешь, как это опасно?

Рябой что-то неразборчиво проурчал. Похоже, он не слышал ни слова, увлеченный видом ярких камней.

Женщина презрительно взмахнула рукой – и исчезла прозрачная преграда меж ожерельем и пальцами охотника за сокровищами.

Подхватив добычу, рябой напролом двинулся сквозь кусты – прочь от поляны призраков. Он не сказал ничего, даже не обернулся – исчез в сгустившемся сумраке леса.

Патлатый поспешил было следом, но, томимый страхом, оглянулся, чтобы попрощаться с грозными хозяевами руин.

Там, где только что гордо красовалась нагая женщина в плаще длинных волос, теперь недвижно стояло дитя – хрупкая девочка лет восьми, в сером платье до земли, в чепце на белокурых локонах. Громадные темные глаза глядели вслед кладоискателю так строго и сурово, что патлатый не смог выдавить из себя ни слова и поспешил за приятелем.

Когда черная стена леса отделила людей от недоброй поляны, рябой остановился и взвесил ожерелье на руке:

– Ух ты… Тяжелое! Целиком лучше не продавать, а то вдруг впрямь колдовское… я с чарами не вожусь! Камни выковыряем, цепь переплавим.

– Да тихо ты! – затрясся патлатый. – Услышат!

– Ну их в болото, пускай слышат! Я ж знаю: привидение не уходит с того места, где его убили… ну, не его, а того, который… Тьфу! – Рябой запутался, махнул рукой и вновь принялся разглядывать добычу, близко поднеся ее к лицу: было уже темно. – А камни паршиво закреплены! Ну-ка, ножом попробую…

И кончиком ножа поддел алую пластинку, глубоко сидящую в золотом гнезде.

Лес содрогнулся под порывом ветра, деревья загудели, содрогаясь полуобнаженными кронами. В грозном шуме ясно различались шелестящие, сухие, как осенние листья, слова:

– Я слышу. Измена.

И тут же вокруг опешивших людей взметнулся вихрь голосов:

– Чуткий услышал!.. Предательство!..

– Смерть негодяю!..

– С-с-смерть!..

Рябой выронил ожерелье в сухую траву и вскинул руки к горлу, словно его кто-то душил. Патлатый, оцепенев от ужаса, глядел, как его товарищ зашатался, упал на колени, опрокинулся на бок. Из горла бедняги хлынула кровь.

– Верни ожерелье! – грозно грянул голос воина.

Патлатый не пошевелился, глядя, как рябой молча бьется в жутких судорогах. Тело извивалось, словно змеиное; кожа лопалась, и осколки костей, разрывая плоть, вылезали наружу…

– Верни ожерелье! – вновь прогремел приказ.

Патлатый, очнувшись, на ощупь поднял проклятую добычу и, оторвав взгляд от агонии приятеля, поднялся на ноги. Он не соображал, в какую сторону идет. Густой подлесок, по которому еще недавно они с приятелем прорубали себе путь, теперь словно расступался перед ним. Обезумевший от страха человек не понял, как очутился на знакомой поляне.

В лесу уже царила тьма, но на поляне было по-прежнему светло. Кладоискатель не удивился этому, он этого даже не заметил.

– Положи ожерелье на место! – повелела женщина, парящая над черными плитами. Длинные волосы растрепались, полуобнажив великолепное тело. Но перепуганный насмерть человек лишь бросил ошалелый взгляд на чародейку, рухнул на колени и трясущимися руками уложил ожерелье в круглую выемку. Поверхность камня тут же затянулась, стала непроницаемой.

– Храбрый дурак и умный трус, – горько бросила женщина.

– Да, не повезло нам с ними, – признал воин.

– Один сдох, и от второго явно толку не будет, – вздохнул старик. – Ладно, Безумец, можешь взять его себе. Позабавься.

Черная плита накренилась, и человек соскользнул по гладкой гранитной поверхности в открывшийся провал.

Тут же плита вернулась на свое место. Но она не смогла заглушить ни донесшегося снизу вопля, полного невыразимой муки, ни лязгающего смеха…

* * *

В зеркале вновь возникло отражение комнаты, но Джилинер все не отрывал взгляда от зоркого стекла.

– Вот как… Значит, от Кровавой крепости остались не только мертвые руины? Очень, очень любопытно. Кто там у нас ближе всех… ах, Первый? Эта дубина бестолковая? Надо послать его, пусть пошарит в развалинах. Погибнет – не жаль… даже его смерть поможет мне узнать много нового. А я подумаю: нужно ли мне, чтобы в мир живых вернулись восемь могучих магов? Восемь соперников – или восемь слуг для меня?

11

Холодная осенняя ночь опрокинулась над рекой, отразилась в ней, сделав струи непроглядно черными. Ни единой звезды не уронило в воду небо, затянутое хмурыми тучами. Воздух, промозглый и сырой, нагонял озноб. Люди, у которых была в эту ночь крыша над головой, спешили в уют и тепло, к пылающим очагам. Немногочисленные суда уже причалили к берегу. И путники, и домоседы – все устраивались на ночлег.

Среди этих человеческих гнезд были три, далеко разбросанные по реке. Их случайные обитатели думали в этот вечер друг о друге. Мысли трех разлучившихся человек сплели в воздухе невидимый мост, о чем сами люди и не догадывались…

* * *

«Что с Ралиджем? Где он сейчас? Удалось ли ему догнать этого глупого мальчишку?.. О боги, боги, только пусть с ними обоими не случится ничего плохого!..»

Арлина стояла на крыльце трактира «Рыжая щука» и с тоской вглядывалась в холодную мглу над рекой. В этот миг она отдала бы свою капризную чародейную силу и десять лет жизни в придачу за умение летать. Уж тогда бы она догнала Ралиджа!

«Боги мудрые, боги всемогущие, охраните от бед непутевого Ильена… а мне дайте скорее разыскать мужа, я сама уберегу его от любого зла…»

Из-за двери доносились веселые голоса наемников, по-хозяйски расположившихся в трактире. Аранша убедила госпожу, что лучше остаться на ночь здесь, чем возвращаться в крепость по темной, опасной дороге…

Возвращаться в крепость! Да у Волчицы и в мыслях такого не было! Просто она не спорила с Араншей, понимая, что ночью ничего сделать нельзя. Но утром она что-нибудь придумает! Нельзя ехать домой, когда перед глазами стоит темный зал, накрытое черным сукном возвышение и взлетевший по широкой дуге топор!

Скрипнула дверь, голоса на несколько мгновений стали громче: на крыльцо вышел Керумик. Подставил лицо холодному ветру, улыбнулся странной улыбкой – то ли дерзкой, то ли мечтательной. Охотник молчал, не нарушая правил учтивости: разговор начинает тот, кто знатнее.

Арлине не очень хотелось в эту тоскливую минуту беседовать с кем бы то ни было. И все же она вежливо сказала:

– Зря ты со мной проехался, Охотник! Хотел – под охраной до Джангаша, а вот как вышло…

– Ну и ладно, – спокойно ответил Керумик. – Для нас, Охотников, дорог много, и не все проложены в этом мире. А за мужа, ясная госпожа, не переживай. Хочешь – напиши письмо, я передам.

– Письмо? – встрепенулась Арлина. – Передашь? Как?.. Когда?..

– Ну, я в Джангаше буду раньше Сокола…

– Подгорный Мир? – шепнула, похолодев, госпожа.

– Да, есть тут Врата… не Врата даже, а так, калиточка. Поброжу из слоя в слой да и выйду возле Джангаша, а время меня подождет.

Как могла Арлина забыть… Ну конечно же! В Подгорном Мире странное время – густое и тягучее, как мед. Они с Ралиджем и Эрваром провели за Вратами почти день, а вернулись… поджидавшая их Аранша и встревожиться толком не успела!

На душе сразу стало легко и светло, отодвинулось куда-то черное предсказание.

– Не стану писать письмо, – быстро заговорила Арлина, – сама пойду с тобой, ты выведешь меня возле Джангаша… Нет-нет, не говори, что это опасно, я уже была в Подгорном Мире. Как видишь, не съели меня там. Заплачу, конечно, сколько скажешь.

С лица Керумика сошла улыбка. Глаза стали холодными и цепкими, словно он поймал добычу в прицел арбалета и готов спустить тетиву.

– Госпожа, – сказал он жестко, – не стану пугать тебя Клыкастыми Жабами, Черными Прыгунами и прочей кусачей дрянью. Сама знаешь, не это самое страшное.

И замолчал, дав госпоже несколько мгновений на раздумье. По изменившемуся лицу женщины понял: догадалась…

Волчица тихо повторила слова, слышанные когда-то от Эрвара:

– «Много ловушек таит Подгорный Мир, но самая коварная ловушка – он сам…»

– Вот именно, – кивнул Охотник. – Эрвар рассказывал: госпожа пришла в Подгорный Мир, как к себе домой. Но таких людей Подгорный Мир быстро забирает к себе. Что, если Волчица войдет туда, а выйти не захочет?

Арлина фыркнула – такой нелепой показалась ей мысль, что она по доброй воле останется где-то вдали от Ралиджа. Но насмешливая улыбка превратилась в мечтательную…

…Мир полупрозрачных, размытых далей, где все неясно и неявно. Мир, где нельзя прикинуть на глаз расстояние до ближайшей скалы – она то рядом, то вдруг вдали, на горизонте. Мир, где дрожащее марево показывает картины того, что происходит за много дней пути от тебя, и тут же прячет, не дает разглядеть… много дней пути? Нет, и эта мера теряет смысл там, где расстояния и дали смяты в путаницу движущихся складок. Сделай неосторожный шаг в сторону – и окажешься в далекой дали от своих спутников… не увидишь, не докричишься…

Единственное, что в Подгорном Мире было четким и определенным, – это опасность, грозящая отовсюду, жестокая и реальная, в каждом слое своя.

Но Волчица знала от Эрвара, что опаснее всего были не чудовища. Опаснее всего было сладкое томительное чувство, которое наплывало на нее за Вратами. До головокружения хорошо! Словно ее целовал любимый!

Ралидж потом передал ей слова Эрвара:

«Подгорный Мир хочет нашу госпожу… Таких, как она, он быстро сминает в комок глины и лепит заново – как ему нравится. Никогда, ни под каким видом Волчицу больше нельзя пускать за Врата…»

Арлина тряхнула головой – в великолепных черных волосах еле удержалась зеленая лента.

– Когда мы выходим, Охотник?

– Перед рассветом… если госпожа действительно решилась.

– Можем мы взять с собой наемников?

– Ну уж нет! Где это видано, чтобы Подгорный Охотник таскал за собой толпу? Мы странствуем по двое, по трое, не больше. Уходить придется тайком… – Керумик запнулся, а потом закончил неожиданно грубо: – Но ясной госпоже это недешево обойдется!

– Я понимаю… Главное – догнать Ралиджа.

– Светлая госпожа очень любит мужа… – тем же странным, почти враждебным тоном продолжил парень… оборвал фразу, чуть помедлил и добавил учтиво: – Волчице лучше вернуться в дом и постараться уснуть. Неизвестно, когда теперь ей удастся выспаться.

* * *

Аранша отчаянно кусала кончик пера, раздобытого хозяином «Рыжей щуки». Искусство письма ей и раньше не очень-то давалось, а уж сейчас… Наемница решительно не представ-

ляла себе, какими словами объяснить своему дарнигару (и мужу!), почему воины вернутся в крепость без десятника. И без госпожи.

Подслушанный разговор мучил Араншу, как засевшая в боку стрела. Остановить Волчицу немыслимо, это наемница поняла давно. Даже если они всем десятком навалятся на супругу Хранителя и скрутят ее по рукам и ногам… да, это была бы сцена! Разумеется, солдаты не посмеют прикоснуться к Дочери Клана. И сама Аранша уже стояла перед Вратами – и струсила. Позорно струсила первый раз в жизни (да будет воля Безымянных, чтоб и в последний раз!). Так страшно не было даже перед первым боем. Аранша готова была взбунтоваться, отказаться выполнить приказ. Спасибо Хранителю – догадался о ее страхе… да что там догадываться, небось все на роже было написано! Пожалел дуру-наемницу, велел ждать перед Вратами, пусть берегут его за это боги до Бездны и за Бездной!

А теперь Сокол может попасть в беду, госпожа спешит на помощь мужу… а Аранша, получается, у нее на дороге встанет?

Нет уж, как ни крути, а придется идти за Волчицей в эту жуть. Она ж только про Ралиджа своего думает, а что с ней самой беда может приключиться – про то и мысли нет!..

И тут Аранша чуть не выронила перо, впервые ясно осознав, что еще ее тревожит.

Керумик! Уж больно непонятно он держится… странные взгляды кидает на госпожу, когда думает, что никто его не видит!

Не будь госпожа Дочерью Клана, Аранша не нашла бы в поведении парня ничего необычного. Наемница, привыкшая находиться среди мужчин, не раз ловила на себе такие взоры. И каждый раз огорчалась: опять скоро придется кому-то нос разбить! Они сулили неприятности, эти голодные, жадные мужские взгляды…

Но ведь не может какой-то паршивый Керумик из какого-то паршивого Семейства осмелиться даже подумать…

Ох, да он же Подгорный Охотник, они все ненормальные!..

Внезапно эта пронзительная мысль потускнела, отодвинулась куда-то. К горлу подкатил плотный ком. Женщина бросила перо, поспешно встала, неверной походкой пошла к двери.

Кто-то из наемников дружески бросил вслед:

– Что, Аранша, вино паршивое или жратва – отрава?

Женщина коротко кивнула, боясь произнести хоть слово.

И пока за крыльцом ее выворачивало наизнанку, она молча твердила себе: да, вино паршивое, да, жратва – отрава… и понимала, что обманывает себя. И так уже все ясно.

– Харнат оторвет мне голову, – мрачно сказала она вслух. – И будет прав!

Конечно, прав! Как смеет Аранша рисковать не только своей шкурой – пес бы с ней, с этой шкурой, в каком только огне не побывавшей! – нет, рисковать долгожданным, заранее любимым ребенком! Ведь знает она, почему Харнат зачастил в храм, почему дает жрецам золото, о чем просит Безымянных…

А сама она… разве не потеряла она надежду в двадцать лет, когда в Яргимире, во время атаки пиратской эскадры, вместе с другими наемниками разворачивала на скале тяжелую катапульту – и упала, покатилась по камням от режущей боли внизу живота. Если бы тогда поберегла себя – было бы сейчас сыну или дочке восемь… нет, девять лет!

Опытная подруга после сказала: «Забудь, это с тобой вряд ли повторится… да и зачем тебе?..»

Сейчас, почти через десять лет, Безликие дарят ей последнюю надежду. А счастливая мамаша, стерва такая, тащит бедного ребенка – это ж подумать жутко! – в Подгорный Мир…

Аранша погладила себя по животу. Даже сквозь одежду чувствовалось, какой он плоский, подтянутый, с не по-женски крепкими мышцами.

– Не повезло тебе с мамой, да, малыш? – виновато шепнула она, понимая, что выбора все равно нет и решение уже принято. Нужно идти за госпожой. За Врата так за Врата, в Бездну так в Бездну. А станет страшно – сломать хребет проклятому страху!

12

«Неужели среди всадников и впрямь была Арлина? Опять боится отпустить меня одного? Сейчас-то с какой стати? Не в Подгорный Мир ухожу, не в сраженье! Совсем жена с ума сошла! Вернусь – поговорим… Ох, Ильен, Ильен, сколько тревог из-за тебя, дуралей ты маленький…»

Ралидж постарался отогнать неприятные мысли и ткнул носком сапога в кострище, размытое недавним дождем:

– Здесь, я вижу, не раз ночевали?

– Так, господин, – поклонился капитан, который стал очень почтительным, когда узнал, что среди его пассажиров – Сын Клана. – Здесь часто причаливают суда.

– А где сейчас «Летящий», как ты думаешь?

– Я, господин мой, не думаю, я знаю. Это мы до темноты не успели проскочить Пенные Клыки, а «Летящий» их засветло прошел. Теперь вся команда отсыпается на постоялом дворе у Кринаша… Если я больше не нужен Соколу, я приглядел бы за моими бездельниками?

Ралидж рассеянным кивком отпустил хозяина, осматривая просторную поляну, где матросы растягивали на кольях навес из плотного полотна и тащили из леса дрова для костра. Тихоня, Ваастан и Айфер помогали матросам. Щеголь Челивис восседал на груде лапника с таким страдальческим видом, словно это был сложенный для него погребальный костер. Купец Аншасти деловито сновал по палубе приткнувшегося к берегу корабля. Ни юного Фаури, ни загадочного Никто не было видно.

Мимо кострища легкой походкой пробежала Ингила.

– До чего же славно устраивается наша пестрая компания! – восхитилась она. – Эй, Тихоня! Я к реке, умыться…

И исчезла среди ивняка, где уже клубилась ночь, готовая выползти на поляну.

Тихоня, вгонявший в землю кол для навеса, даже не обернулся на голос своей маленькой госпожи. Зато Пилигрим, негромко беседовавший с Рифмоплетом, так и вскинулся в сторону, куда упорхнула циркачка.

– А-га-а! – протянул он (причем голос выдавал, что юношей владеют отнюдь не только благочестивые мысли о Храме Всех Богов). – Малышка одна, в темноте, в густом ивняке… Пойду пригляжу за бедняжкой.

И поспешил за девушкой, ухмыляясь, как кот, случайно разбивший на кухне горшок и обнаруживший, что он полон сметаны.

Рифмоплет, помрачнев, дернулся было следом, но сдержался, резко отвернулся и пошел помогать матросам.

Ралидж сказал себе, что все происходящее – не его дело, к тому же циркачка, бродящая по свету, наверняка не наивное нежное дитя. Но все же не удержался, спустился к реке. Конечно, он не станет зря вмешиваться… но если девчонка закричит, позовет на помощь…

Он успел как раз вовремя, чтобы услышать увесистый звук затрещины и тяжелый всплеск. Усмехнувшись, Сокол опустился на колено, зачерпнул режуще-холодной воды, с удовольствием умылся.

Неподалеку в зарослях возмущенно бубнил Пилигрим:

– И сразу драться! Можно подумать, на тебя тролль насел! А что мне теперь делать, об этом ты не подумала? Мокрый весь, впереди холодная ночь… и не жаль тебе человека?

– Не жаль, – подтвердил невозмутимый голосок. – У костра обсохнешь. Не с твоей рожей к порядочным барышням руки без спроса тянуть!

Возня в ивняке прекратилась. После короткого молчания послышалось изумленное:

– А… а чем тебе моя рожа нехороша?

– Да на тебя бы и слепая корова не позарилась! Да если такая физиономия в бочке с водой отразится, так на бочке все обручи полопаются!

– Да? – В голосе Пилигрима звучала не столько обида, сколько удивление. – А мне до сих пор девушки говорили, что я им нравлюсь. Кстати, на моей памяти это первая оплеуха!

– Ой, не могу, красавец выискался! Огрызок счастья! Нос – как наррабанский башмак… и уши вразлет! Правда-правда-правда! Вот дружок твой – это верно, заглядеться можно.

– Да какой там дружок, на пристани познакомились… Говоришь, уши вразлет? Но до сих пор мне красавицы просто проходу не давали… настоящие красавицы, не акробатки тощие!

– Ого! – изумилась циркачка. – С чего бы это? Даже интересно… Я так понимаю, у тебя семья богатая?..

Дослушивать Ралидж не стал. Успокоившись за шуструю девчонку, он вернулся на поляну, где уже горел высокий костер, а с наветренной стороны чернело полотнище тента.

– Доволен ли мой господин? – поинтересовался из-за плеча Сокола капитан. – Угодно ли ему присесть вот здесь, поближе к огню, на лапник? Ночь холодная, ясная, от воды почти не дует.

Из темноты раздался недовольный басок Айфера:

– А мне матросы говорили, в трюме шатер есть. Можно бы расстараться да поставить для Сына Клана.

Голос капитана стал жестким и решительным:

– Шатер ставим, когда с нами женщины. Высокородному господину шатер не предлагаю, чтобы не оскорбить: ведь он не женщина!

Улыбнувшись, Ралидж попытался угадать, что скрывается за сменой тона: какое-нибудь суеверие, живущее среди речников, или острое нежелание копаться в темном трюме, разыскивая шатер, заваленный прочими грузами.

– Женщины?! – гневно зазвенел рядом голос неслышно подошедшей Ингилы. – А я тебе кто, крыса водяная? Я тебе чем не женщина? Гляди-гляди-гляди! Может, у меня усы? Или борода?

– Цыц, блоха двуногая! – учтиво ответил капитан. – Давай кувыркайся к огню, пока лучшие места у костра не заняты! Чтоб я из-за паршивой циркачки шатер стал ставить…

Короткому взгляду, брошенному Ингилой на капитана, позавидовала бы даже молния. Затем девушка обернулась к собравшимся вокруг любопытным пассажирам и тоненько, жалобно протянула:

– И такая несправедливость – на глазах у благородных господ! Так обидеть бедную актрису! А ведь я не из Отребья, я Дочь Семейства… и я платила за проезд!

Пассажиры зароптали: мол, девчонка права, деньги платила, так почему бы для нее шатер не поставить? Матросы, которым совсем не улыбалось лезть в трюм, не менее решительно зашумели: мол, обойдется попрыгунья бродячая, не принцесса небось!.. Тихоня вопросительно поглядывал на хозяйку: не пора ли начинать драку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.